ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Льюис Кэрролл

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС

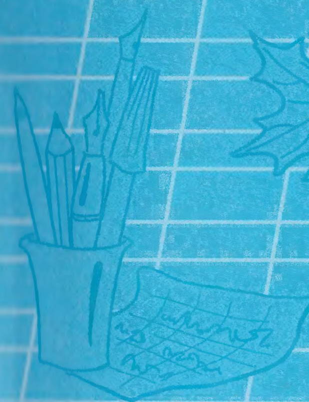
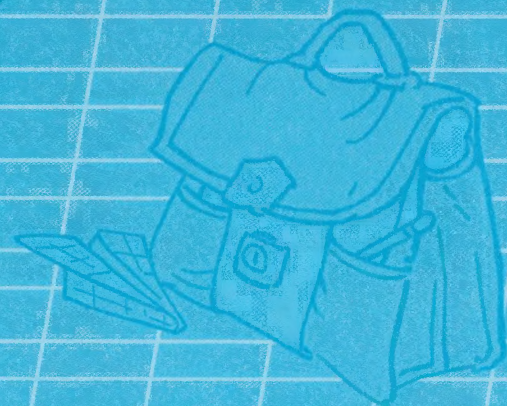
ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПЕЧАТАЕТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Издательство "Самовар" выражает сердечную благодарность учителям литературы и всем тем, кто прислал в наш адрес советы и рекомендации по выбору авторов и произведений для издания в серии "Школьная библиотека".

Мы по-прежнему открыты для сотрудничества и ждём ваших отзывов о книгах серии и новых пожеланий.

Льюис Кэрролл

Алиса в стране чудес

Пересказ с английского Бориса Заходера

Художник
Борис Пушкарёв

Глава никакая,
из которой тем не менее
можно кое-что узнать

Больше всего на свете я ненавижу обман и люблю честность и потому сразу честно признаюсь, что я вас (совсем немножко!) обманул: на самом деле это не НИКАКАЯ ГЛАВА, а НИКАКАЯ НЕ ГЛАВА — это просто-напросто... Думаете, так я вам и сказал? Нет, подождите. Вот дочитаете до конца, тогда узнаете!

А не дочитаете — ну что ж, дело ваше. Только тогда — почти наверняка! — не сумеете правильно прочитать и всю книжку. Да, да!

Дело в том, что хотя перед вами — сказка, но сказка эта очень, очень не простая.

Начнём с начала, как советует Червонный Король (вам предстоит с ним скоро встретиться). И даже немножко раньше — с названия.

«Приключения Алисы в Стране Чудес»...

Будь моя воля, я бы ни за что не назвал так эту книжку. Такое название, по-моему, только сбивает с толку. В самом деле — разве по названию

догадаешься, что речь пойдёт о маленькой (хотя и очень умной!) девочке? Что приключения будут совсем не такие, как обычно: не будет ни шпионов, ни индейцев, ни пиратов, ни сражений, ни землетрясений, ни кораблекрушений, ни даже охоты на крупную дичь.

Да и «Страна Чудес» — тоже не совсем те слова, какие хотелось бы написать в заглавии этой сказки!

Нет, будь моя воля, я назвал бы книжку, например, так: «Алёнка в Вообразилии». Или: «Аля в Удивляндии». Или: «Алька в Чепухании». Ну уж на худой конец: «Алиска в Расчудесии». Но стоило мне заикнуться об этом своём желании, как все начинали на меня страшно кричать, чтобы я не смел. И я не посмел!

Всё горе в том, что книжка эта была написана в Англии сто лет тому назад и за это время успела так прославиться, что и у нас все — хотя бы понаслышке — знают про Алису и привыкли к скучноватому названию «Приключения Алисы в Стране Чудес». Это называется литературной традицией, и тут, как говорится, ничего не попишешь. Хотя название «Алиска в Расчудесии» гораздо больше похоже на настоящее, английское название этой сказки, но если бы я её так назвал, люди подумали бы, что это совершенно другая книжка, а не та, знаменитая...

А знаменита «Алиса» действительно сверх всякой меры. В особенности в тех странах, где говорят по-английски. Там её знает каждый и любят все. И самое интересное, что, хотя это сказка для детей,

пожалуй, больше детей любят её взрослые, а больше всех — самые взрослые из взрослых — учёные!

Да, сразу видно, что это очень и очень непростая сказка!

Мало того. Написаны целые горы книг, в которых «Алису» на все лады растолковывают и объясняют. А когда так много и долго объясняют, это, по-моему, значит, что люди сами не всё поняли.

Так что и вы не очень огорчайтесь, если тоже не сразу всё поймёте. Ведь всегда можно перечитать непонятное место ещё разок, правда?

Я надеюсь, что я вас не слишком запугал. По совести говоря, бояться нечего. Для того чтобы правильно прочитать, то есть понять, эту сказку, нужны только две вещи.

Нужно — и это совершенно обязательно! — иметь чувство юмора, потому что это одна из самых весёлых книжек на свете.

Тут я за вас совершенно спокоен — уверен, что смеяться вы умеете и любите!

И нужно ещё — и это тоже совершенно обязательно! — КОЕ-ЧТО знать.

Потому что если в голове пусто, увы, самое большое чувство юмора вас не спасёт.

Вот маленький пример.

Есть у меня один знакомый, приблизительно двух лет от роду, у которого огромное чувство юмора — он может захохотать, когда никому другому и в голову не придёт улыбнуться. Любимая его шутка (он сам её придумал) такая:

— Андрюшенька, как говорит курочка?

— Му! Му! Му!

И Андрюшенька заливается смехом. Но если вы ему скажете, что Ихтиозавр говорит: «Ах, батюшки мои!» — Андрюшенька и не улыбнётся.

А всё дело в том, что он очень плохо знаком с повадками Ихтиозавров.

Так вот, чтобы читать эту книжку по-настоящему — а читать её по-настоящему — это значит читать и смеяться! — надо знать многое множество самых разных разностей.

Надо знать, кто такие АНТИПОДЫ и что такое ПАРАЛЛЕЛИ и МЕРИДИАНЫ, надо знать, КОГДА ЧТО СЛУЧИЛОСЬ и что такое ТКАНЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ; надо знать, из чего НЕ делается ГОРЧИЦА и как правильно играть в КРОКЕТ; кто такие ПРИСЯЖНЫЕ и чем они отличаются от ПРИСТЯЖНЫХ; и какого рода ВРЕМЯ, и курят ли червяки КАЛЬЯН, и носят ли Лягушки, Караси и Судьи ПАРИКИ, и можно ли питаться одним МАРМЕЛАДОМ и... и так далее и тому подобное!

Кстати, я не случайно упомянул Ихтиозавров — ведь они ископаемые, а всевозможные ископаемые в этой сказке встречаются на каждом шагу: например, Короли и Герцогини, Графы и ЭРЛЫ (в сущности, это одно и то же). Лакеи и, наконец, вымершая птица Додо, она же Ископаемый Дронт. Это и не удивительно — вы ведь не забыли, что, как я уже сказал, книжка была написана целых СТО лет назад!

Конечно, знать ВСЕ эти вещи, по-моему, никто не может — даже Малый Энциклопедический Словарь.

Поэтому, если вам что-нибудь покажется очень уж непонятным (а главное, не смешным!), не стесняйтесь спрашивать у старших. Вдруг да они это знают?

А уж когда вам всё будет совсем понятно, тогда вы, может быть, кое о чём задумаетесь...

Но это, впрочем, не обязательно.

Я надеюсь, что вам уже захотелось узнать, как появилась на свет такая необыкновенная сказка и кто её сочинил.

Конечно, сочинить такую сказку мог только необыкновенный человек. Да и то неизвестно, сочинил бы он её или нет, если бы не одна маленькая девочка, которую звали... Угадайте!.. Правильно, Алисой!

Да, именно Алиса потребовала во время лодочной прогулки от своего знакомого, мистера Доджсона, чтобы он рассказал ей и её сёстрам интересную сказку. И чтобы в этой сказке было побольше весёлой чепухи. И видно, эта Алиса была такая девочка, которой очень трудно было отказать, потому что мистер Доджсон, хотя и был профессором математики (честное слово!) и к тому же в этот день уже сильно устал,— послушался. Он начал рассказывать сказку о приключениях одной девочки, которую тоже почему-то звали Алисой!

Надо отдать должное маленькой Алисе (я имею в виду живую Алису, полностью её звали Алиса Плезенс Лидделл) — она хорошо знала, кого попросить рассказать сказку!

Взрослые, особенно те, которые всегда ничего не понимают, считали мистера Доджсона скучным

человеком, сухим математиком, и, увы, даже студенты не особенно любили его лекции.

Но маленькая Алиса — как и все те дети в Англии, которым посчастливилось встретиться с мистером Чарлзом Лютвиджем Доджсоном (так его и звали, я этого не выдумал!),— прекрасно знала, что он вовсе не такой и всё это неправда!

Разве можно было считать скучным человека, который умел сделать из носового платка мышь — и эта мышь бегала как живая! Человека, который из простой бумаги складывал пистолет — и пистолет этот стрелял почти не хуже настоящего! Разве можно было считать скучным такого необыкновенного выдумщика!

Он выдумывал не только сказки — он выдумывал головоломки, загадки, игрушки, игры, да ещё какие! В некоторые из них играют и до сих пор. (Именно он придумал весёлую игру, которая называется «Цепочка», или «Как сделать из мухи слона»; кто умеет в неё играть, легко может превратить НОЧЬ в ДЕНЬ или МОРЕ в ГОРУ. Вот так: МОРЕ—ГОРЕ—ГОРА. И всё! Можете играть, только не на уроках!)

Особенно он любил и умел играть... словами. Самые серьёзные, самые солидные, самые трудные слова по его приказу кувыркались, и ходили на голове, и показывали фокусы, и превращались одно в другое — словом, бог знает что выделывали!

И ещё он умел переделывать старые, надоевшие стишки — переделывать так, что они становились ужасно смешными. Это, как вы знаете, называется пародиями.

И даже собственное имя (Чарлз Лютвидж, вы не забыли?) он переделывал до тех пор, пока оно не превратилось в то самое имя, которое значится на обложке сказки об Алисе и какого раньше не было ни у кого на свете: ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ.

И всё это — выдумки, игры, загадки, головоломки, сюрпризы, пародии и фокусы,— всё это есть в его сказке про девочку Алису...

Осталось добавить совсем немножко: как получилась русская книжка, которую вы сейчас читаете, и при чём тут я?

Как вы, наверное, догадались, книжка об Алисе — одна из самых моих любимых книг. Я читал и перечитывал её не раз и не два — целые двадцать пять лет. Читал я её по-английски: скажу по секрету, что ради неё-то я и выучил английский язык. И чем больше я её перечитывал, тем больше она мне нравилась, но чем больше она мне нравилась, тем больше я убеждался в том, что перевести её на русский язык совершенно невозможно. А когда я читал её по-русски (в переводах, их было немало, от них-то и пошло название «Алиса в Стране Чудес»), тогда я убеждался в этом ещё больше!

Не то чтобы уж никак нельзя было заставить русские слова играть в те же игры и показывать те же фокусы, какие проделывали английские слова под волшебным пером Кэрролла. Нет, фокусы с грехом пополам ещё получались, но что-то — может быть, самое главное — пропадало, и весёлая, умная, озорная, расчудесная

сказка становилась малопонятной и — страшно сказать — скучной.

И когда друзья говорили мне:

— Пора бы тебе перевести «Алису»! Неужели тебе этого не хочется?

— Очень хочется,— отвечал я,— только я успел убедиться, что, пожалуй, легче будет... *перевезти* Англию!

Да, я был уверен, что всё знаю про «Алису», и уже подумывал — не засесть ли мне за солидный учёный труд под названием «К вопросу о причинах непереводимости на русский язык сказки Льюиса Кэрролла», как вдруг...

Как вдруг в один прекрасный день я прочитал письмо Льюиса Кэрролла театральному режиссёру, который решил поставить сказку про Алису на сцене.

Там говорилось:

«...Какой же я видел тебя, Алиса, в своём воображении? Какая ты? Любящая — это прежде всего: любящая и нежная; нежная, как лань, и любящая, как собака (простите мне прозаическое сравнение, но я не знаю на земле любви чище и совершенней), и ещё — учтивая: вежливая и приветливая со всеми, с великими и малыми, с могучими и смешными, с королями и червяками, словно ты сама — королевская дочь в шитом золотом наряде. И ещё — доверчивая, готовая поверить в самую невозможную небыль и принять её с безграничным доверием мечтательницы, и, наконец,— любопытная, отчаянно любопытная и жизнерадостная той жизнерадостностью, какая

даётся лишь в детстве, когда весь мир нов и прекрасен и когда горе и грех — всего лишь слова, пустые звуки, не означающие ничего!»

И не знаю почему, когда я прочитал это письмо, мне так захотелось, чтобы и вы познакомились с этой прелестной девочкой, что я вдруг махнул рукой на свой «научный труд» и на все свои умные рассуждения и решил попробовать — только попробовать — *рассказать о ней по-русски*.

И вскоре я понял, что самое главное в книжке об Алисе — не загадки, не фокусы, не головоломки, не игра слов и даже не блистательная игра ума, а... сама Алиса. Да, маленькая Алиса, которую автор так любит (хоть порой и посмеивается над ней), что эта великая любовь превращает фокусы в чудеса, а фокусника — в волшебника. Потому что только настоящий волшебник может подарить девочке — и сказке! — такую долгую-долгую, на века, жизнь!

Словом, со мной вышло точь-в-точь как с одной маленькой девочкой, которая обычно говорила:

— Откуда я знаю, что я думаю? Вот скажу — тогда узнаю!

Так и я. Когда я кончил рассказывать «Алису» и получилась та книжка, которая сейчас лежит перед вами, я и узнал, что я про неё по-настоящему думаю.

А теперь остаётся узнать самое главное — что обо всём этом подумаете вы...

И чтобы это случилось поскорее, я поскорее заканчиваю эту ГЛАВУ (вы, конечно, давно

догадались, что это всего-навсего ПРЕДИСЛОВИЕ!). Если я выполнил своё обещание и вы узнали КОЕ-ЧТО, мне очень приятно. А особенно приятно, что мне не надо тут писать слово «Конец», потому что ведь это только начало — начало книжки о приключениях Алиски в Расчудесии...

Борис Заходер

Глава первая,
в которой Алиса чуть не провалилась сквозь Землю

Алиса сидела со старшей сестрой на берегу и маялась: делать ей было совершенно нечего, а сидеть без дела, сами знаете, дело нелёгкое; раз-другой она, правда, сунула нос в книгу, которую сестра читала, но там не оказалось ни картинок, ни стишков. «Кому нужны книжки без картинок... или хоть стишков, не понимаю!» — думала Алиса.

С горя она начала подумывать (правда, сейчас это тоже было дело не из лёгких — от жары её совсем разморило), что, конечно, неплохо бы сплести венок из маргариток, но плохо то, что тогда нужно подниматься и идти собирать эти маргаритки, как вдруг... Как вдруг совсем рядом появился белый кролик с розовыми глазками!

Тут, разумеется, ещё не было ничего такого необыкновенного; Алиса-то не так уж удивилась, даже когда услыхала, что Кролик сказал

(а сказал он: «Ай-ай-ай! Я опаздываю!»). Кстати, потом, вспоминая обо всём этом, она решила, что всё-таки немножко удивиться стоило, но сейчас ей казалось, что всё идёт как надо.

Но когда Кролик достал из жилетного кармана (да-да, именно!) ЧАСЫ (настоящие!) и, едва взглянув на них, опрометью кинулся бежать, тут Алиса так и подскочила.

Ещё бы! Ведь это был первый Кролик в жилетке и при часах, какого она встретила за всю свою жизнь!

Сгорая от любопытства, она со всех ног помчалась вдогонку за Кроликом и, честное слово, чуть-чуть его не догнала.

Во всяком случае, она поспела как раз вовремя, чтобы заметить, как Белый Кролик скрылся в большой норе под колючей изгородью.

В ту же секунду Алиса не раздумывая ринулась за ним. А кой о чём подумать ей не мешало бы — ну хоть о том, как она выберется обратно!

Нора сперва шла ровно, как тоннель, а потом сразу обрывалась так круто и неожиданно, что Алиса ахнуть не успела, как полетела. Полетела вниз, в какой-то очень, очень глубокий колодец.

То ли колодец был действительно уж очень глубокий, то ли летела Алиса уж очень не спеша, но только вскоре выяснилось, что теперь у неё времени вволю и для того, чтобы осмотреться кругом, и для того, чтобы подумать, что её ждёт впереди.

Первым делом она, понятно, поглядела вниз и попыталась разобрать, куда она летит, но там было слишком темно; тогда она стала рассматривать

стены колодца и заметила, что вместо стен шли сплошь шкафы и шкафчики, полочки и полки; кое-где были развешаны картинки и географические карты.

С одной из полок Алиса сумела на лету снять банку, на которой красовалась этикетка: «АПЕЛЬСИНОВОЕ ВАРЕНЬЕ». Банка, увы, была пуста, но, хотя Алиса и была сильно разочарована, она, опасаясь ушибить кого-нибудь, не бросила её, а ухитрилась опять поставить банку на какую-то полку.

— Да,— сказала себе Алиса,— вот это полетела так полетела! Уж теперь я не заплачу, если полечу с лестницы! Дома скажут: вот молодчина! Может, даже с крыши слечу и не пикну!

(Боюсь, что тут она была даже чересчур права!)

И она всё летела: вниз, и вниз, и вниз! Неужели это никогда не кончится?

— Интересно, сколько я пролетела?— громко сказала Алиса.— Наверное, я уже где-нибудь около центра Земли! Ну да: как раз тысяч шесть километров или что-то в этом роде...

(Дело в том, что Алиса уже обучалась разным наукам и как раз недавно проходила что-то *в этом роде;* хотя сейчас был не самый лучший случай блеснуть своими познаниями — ведь, к сожалению, никто её не слушал,— она всегда была не прочь попрактиковаться.)

— Ну да, расстояние я определила правильно,— продолжала она.— Вот только интересно, на каких же я тогда параллелях и меридианах?

(Как видите, Алиса понятия не имела о том, что такое параллели и меридианы,— ей просто

нравилось произносить такие красивые, длинные слова.)

Немного отдохнув, она снова начала:

— А вдруг я буду так лететь, лететь и пролечу всю Землю насквозь? Вот было бы здорово! Вылезу — и вдруг окажусь среди этих... которые ходят на головах, вверх ногами! Как они называются? Анти... Антипятки, что ли?

Мы-то с вами, конечно, прекрасно знаем, что тех, кто живёт на другой стороне земного шара, называют (во всяком случае, в старину называли) антиподами.

(На этот раз Алиса в душе обрадовалась, что её никто не слышит: она сама почувствовала, что слово какое-то не совсем такое.)

— Только мне, пожалуй, там придётся спрашивать у прохожих, куда я попала: «Извините, тётя, это Австралия или Новая Зеландия?»

(Вдобавок Алиса попыталась ещё вежливо присесть! Представляете? Книксен в воздухе! Вы бы смогли, как вы думаете?)

— Но ведь эта тётя тогда подумает, что я дурочка, совсем ничего не знаю! Нет уж, лучше не буду спрашивать. Сама прочитаю! Там ведь, наверно, где-нибудь написано, какая это страна.

И дальше — вниз, вниз и вниз!

Так как никакого другого занятия у неё не было, Алиса вскоре опять заговорила сама с собой:

— Динка будет сегодня вечером ужасно обо мне скучать! (Диной звали её кошку.) Хоть бы они

не забыли дать ей молочка вовремя!.. Милая моя Диночка, хорошо бы ты была сейчас со мной! Мышек тут, правда, наверное, нет, но ты бы ловила летучих мышей. Не всё ли тебе равно, киса? Только вот я не знаю, кушают кошки летучих мышек или нет?

И тут Алиса совсем задремала и только повторяла сквозь сон:

— Скушает кошка летучую мышку? Скушает кошка летучую мышку?

А иногда у неё получалось:

— Скушает мышка летучую кошку?

Или даже так:

— Скушает мышка летучую мошку?

Не всё ли равно, о чём спрашивать, если ответа всё равно не получишь, правда?

А потом она заснула по-настоящему, и ей уже стало сниться, что она гуляет с Динкой под ручку и ни с того ни с сего строго говорит ей:

«Ну-ка, Дина, признавайся: ты хоть раз ела летучих мышей?»

Как вдруг — трах! бах! — она шлёпнулась на кучу хвороста и сухих листьев. На чём полёт и закончился.

Алиса ни капельки не ушиблась; она моментально вскочила на ноги и осмотрелась: первым делом она взглянула наверх, но там было совершенно темно; зато впереди снова оказалось нечто вроде тоннеля, и где-то там вдали мелькнула фигура Белого Кролика, который улепётывал во весь дух.

Не теряя времени, Алиса бросилась в погоню. Опять казалось, что она вот-вот догонит его,

и опять она успела услышать, как Кролик, сворачивая за угол, вздыхает:

— Ах вы ушки-усики мои! Как я опаздываю! Боже мой!

Но, увы, за поворотом Белый Кролик бесследно исчез, а сама Алиса очутилась в очень странном месте.

Это было низкое, длинное подземелье; своды его слабо освещались рядами висячих ламп. Правда, по всей длине стен шли двери, но, к большому сожалению, все они оказались заперты. Алиса довольно скоро удостоверилась в этом, дважды обойдя всё подземелье и по нескольку раз подёргав каждую дверь. Она уныло расхаживала взад и вперёд, пытаясь придумать, как ей отсюда выбраться, как вдруг наткнулась на маленький стеклянный столик, на котором лежал крохотный золотой ключик.

Алиса очень обрадовалась: она подумала, что это ключ от какой-нибудь из дверей. Но увы! Может быть, замки были слишком большие, а может быть, ключик был слишком маленький, только он никак не хотел открывать ни одной двери. Она добросовестно проверяла одну дверь за другой, и тут-то она впервые заметила штору, спускавшуюся до самого пола, а за ней...

За ней была маленькая дверца — сантиметров тридцать высотой. Алиса вставила золотой ключик в замочную скважину, и — о радость! — он как раз подошёл!

Алиса отворила дверцу: там был вход в узенький коридор, чуть пошире крысиного лаза. Она встала

на коленки, заглянула в отверстие — и ахнула: коридор выходил в такой чудесный сад, каких вы, может быть, и не видывали.

Представляете, как ей захотелось выбраться из этого мрачного подземелья на волю, погулять среди прохладных фонтанов и клумб с яркими цветами?! Но в узкий лаз не прошла бы даже одна Алисина голова. «А если бы и прошла,— подумала бедняжка,— тоже хорошего мало: ведь голова должна быть на плечах! Почему я такая большая и нескладная? Вот если бы я умела вся складываться, как подзорная труба или, ещё лучше, как веер,— тогда бы другое дело! Научил бы меня кто-нибудь, я бы сложилась — и всё в порядке!»

(Будь вы на месте Алисы, вы бы, пожалуй, тоже решили, что сейчас ничего невозможного нет!)

Так или иначе, сидеть перед заветной дверцей было совершенно бесполезно, и Алиса вернулась к стеклянному столику, смутно надеясь, что, может быть, там всё-таки найдётся другой ключ или, на худой конец, книжка: «УЧИСЬ СКЛАДЫВАТЬСЯ!» Ни того, ни другого она, правда, не нашла, зато обнаружила хорошенький пузырёк («Ручаюсь, что раньше его тут не было»,— подумала Алиса), к горлышку которого был привязан бумажный ярлык (как на бутылочке с лекарством), а на нём большими буквами было чётко напечатано: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!»

Конечно, выглядело это заманчиво, но Алиса была умная девочка и не спешила откликнуться на любезное приглашение.

Алиса ахнуть не успела, как полетела вниз, в какой-то очень, очень глубокий колодец.

Алиса встала на коленки, заглянула в отверстие — и ахнула: коридор выходил в такой чудесный сад, каких вы, может быть, и не видывали.

— Нет,— сказала она,— я сначала посмотрю, написано тут «Яд!» или нет.

Она недаром перечитала множество поучительных рассказов про детей, с которыми случались разные неприятности — бедные крошки и погибали в пламени, и доставались на съедение диким зверям,— и всё только потому, что они забывали (или не хотели помнить!) советы старших. А ведь, кажется, так просто запомнить, что, например, раскалённой докрасна кочергой можно обжечься, если будешь держать её в руках слишком долго; что если ОЧЕНЬ глубоко порезать палец ножом, из этого пальца, как правило, пойдёт кровь, и так далее и тому подобное.

И уж Алиса-то отлично помнила, что если выпьешь слишком много из бутылки, на которой нарисованы череп и кости и написано «Яд!», то почти наверняка тебе не поздоровится (то есть состояние твоего здоровья может ухудшиться).

Однако на этой бутылочке не было ни черепа, ни костей, ни надписи «Яд!», и Алиса рискнула попробовать её содержимое.

А так как оно оказалось необыкновенно вкусным (и вкус — точь-в-точь смесь вишнёвого пирога, омлета, ананаса, жареной индюшки, тянучки и горячих гренков с маслом), она сама не заметила, как пузырёк опустел.

— Ой, что же со мной делается! — сказала Алиса.— Я, наверное, и правда складываюсь, как подзорная труба!

Спорить с этим было трудно: к этому времени в ней осталось всего лишь четверть метра.

Алиса так и сияла от радости, уверенная, что она теперь свободно может выйти в чудесный сад. Но всё-таки она решила на всякий случай немного подождать и убедиться, что она уже перестала уменьшаться в росте.

«А то вдруг я буду делаться всё меньше, меньше, как свечка, а потом совсем исчезну! — не без тревоги подумала она.— Вот бы поглядеть, на что я буду тогда похожа».

И она попыталась вообразить, на что похоже пламя свечи, когда свеча погасла, но это ей не удалось — ведь, к счастью, ей этого никогда не приходилось видеть...

Подождав немного и убедившись, что всё остаётся по-прежнему, Алиса побежала было в сад, но — такая незадача! — у самого выхода она вспомнила, что оставила золотой ключик на столе, а подбежав опять к столику, обнаружила, что теперь ей никак до ключа не дотянуться.

И главное, его было так хорошо видно сквозь стекло! Она попробовала влезть на стол по ножке, но ножки были тоже стеклянные и ужасно скользкие, и как Алиса ни старалась, она вновь и вновь съезжала на пол, и, наконец, настаравшись и насъезжавшись до изнеможения, бедняжка села прямо на пол и заплакала.

— Ну вот, ещё чего не хватало! — сказала Алиса себе довольно строго.— Слезами горю не поможешь! Советую тебе перестать сию минуту!

Алиса вообще всегда давала себе превосходные советы (хотя слушалась их далеко-далеко не всегда); иногда она закатывала себе такие выговоры,

что еле могла удержаться от слёз, а как-то раз она, помнится, даже попробовала выдрать себя за уши за то, что сжульничала, играя сама с собой в крокет. Эта выдумщица ужасно любила понарошку быть двумя разными людьми сразу!

«А сейчас это не поможет,— подумала бедная Алиса,— да и не получится! Из меня теперь и одной приличной девочки не выйдет!» Тут она заметила, что под столом лежит ларчик, тоже стеклянный. Алиса открыла его — и там оказался пирожок, на котором изюминками была выложена красивая надпись: «СЪЕШЬ МЕНЯ!»

— Ну и ладно, съем,— сказала Алиса.— Если я от него стану побольше, я смогу достать ключ, а если стану ещё меньше, пролезу под дверь. Будь что будет — в сад я всё равно заберусь! Больше или меньше? Больше или меньше? — озабоченно повторяла она, откусив кусочек пирожка, и даже положила себе руку на макушку, чтобы следить за своими превращениями.

Как же она удивилась, когда оказалось, что её размеры не изменились!

Вообще-то обычно так и бывает с тем, кто ест пирожки, но Алиса так уже привыкла ждать одних только сюрпризов и чудес, что она даже немножко расстроилась — почему это вдруг опять всё пошло, как обычно!

С горя она принялась за пирожок и довольно скоро покончила с ним.

Глава вторая,
в которой Алиса купается в слезах

— Ой, всё чудесится и чудесится! — закричала Алиса. (Она была в таком изумлении, что ей уже не хватало обыкновенных слов, и она начала придумывать свои.) — Теперь из меня получается не то что подзорная труба, а целый телескоп! Прощайте, пяточки! (Это она взглянула на свои ноги, а они были уже где-то далеко-далеко внизу, того и гляди, совсем пропадут.) Бедные вы мои ножки, кто же теперь будет надевать на вас чулочки и туфли... Я-то уж сама никак не сумею обуваться! Ну это как раз неплохо! С глаз долой — из сердца вон! Раз вы так далеко ушли, заботьтесь о себе сами!.. Нет,— перебила она себя,— не надо с ними ссориться, а то они ещё не станут меня слушаться! Я вас всё равно буду любить,— крикнула она,— а на ёлку буду вам всегда дарить новые ботиночки!

И она задумалась над тем, как же это устроить.

«Наверное, придётся посылать по почте,— думала она.— Вот там все удивятся! Человек отправляет посылку собственным ногам! Да ещё по какому адресу:

АЛИСИН ДОМ
Ул. Ковровая Дорожка (с доставкой на пол)
Госпоже Правой Ноге в собственные руки.

— Господи, какую я чепуху болтаю! — воскликнула Алиса, и тут она здорово стукнулась головой об потолок — ведь что ни говори, в ней стало уже три с лишним метра росту!

Тут она сразу вспомнила про золотой ключик, схватила его и помчалась к выходу в сад.

Бедная Алиса! Даже когда она легла на пол, и то она еле-еле смогла поглядеть на садик одним глазком! И это было всё, на что она могла теперь надеяться. О том, чтобы выйти в сад, нечего было и мечтать.

Конечно, тут не оставалось ничего другого, как сесть и зареветь в три ручья!

— Как тебе не стыдно так реветь! — сказала она спустя некоторое время.— Такая большая девица! (Что правда, то правда!) Уймись сию минуту, говорят тебе!

Но слёзы и не думали униматься: они лились и лились целыми потоками, и скоро Алиса оказалась в центре солидной лужи. Лужа была глубиной ей по щиколотку и залила чуть ли не половину подземелья.

А она ещё не успела хорошенько выплакаться!

Вдруг откуда-то издалека послышался быстрый топоток; Алиса поскорее утёрла слёзы — должна же она была посмотреть, что там происходит!

Это вновь явился не кто иной, как Белый Кролик. Разодетый в пух и прах, в одной лапке он вдобавок держал большущий веер, в другой — пару лайковых бальных перчаток. Он, видно, очень торопился и на ходу бормотал себе под нос:

— Всё бы ничего, но вот Герцогиня, Герцогиня! Она придёт в ярость, если я опоздаю! Она именно туда и придёт!

Алиса была в таком отчаянии, что готова была просить помощи у кого угодно, так что,

когда Кролик подбежал поближе, она робким голоском начала:

— Простите, пожалуйста...

Кролик подскочил как ужаленный, выронив перчатки и веер, отпрянул в сторону и тут же скрылся в темноте.

Веер и перчатки Алиса подобрала и, так как ей было очень жарко, принялась обмахиваться веером.

— Ой-ой-ой,— вздохнула она,— ну что же это сегодня за день такой? Всё кувырком! Ведь только вчера всё было, как всегда! Ой, а что... а что, если... если вдруг это я сама сегодня стала не такая? Вот это да! Вдруг правда я ночью в кого-нибудь превратилась? Погодите, погодите... Утром, когда я встала, я была ещё я или не я? Ой, помоему, мне как будто было не по себе... Но если я стала не я, то тогда самое интересное — кто же я теперь такая? Ой-ой-ой! Вот это называется головоломка!

И Алиса тут же принялась её решать. Она сразу подумала о своих подружках. А вдруг она превратилась в кого-нибудь из них?

— Конечно, жалко, но я не Ада,— вздохнула она.— У неё такие чудные локоны, а у меня волосы совсем не вьются... Но уж я, конечно, и не Мэгги! Я-то столько много всего знаю, а она, бедняжка, такая глупенькая! Да и вообще она — это она, а я — это, наоборот, я, значит... Ой, у меня, наверное, скоро правда голова сломается! Лучше проверю-ка я, всё я знаю, что знаю, или не всё. Ну-ка: четырежды пять — двенадцать, четырежды шесть — тринадцать, четырежды семь... Ой, мамочка, я так

никогда до двадцати не дойду! Ну и ладно, значит, таблица умножения не считается! Лучше возьмём географию. Лондон — это столица Парижа, а Париж — это столица Рима, а Рим... Нет, по-моему, опять что-то не совсем то! Наверно, я всё-таки превратилась в Мэгги. Что же делать? Ага! Прочту с выражением какие-нибудь стишки. Ну хоть эти... «Эти! В школу собирайтесь!»

Она сложила ручки, как примерная ученица, и начала читать вслух, но голос её звучал совсем как чужой, и слова тоже были не совсем знакомые:

Звери, в школу собирайтесь!
Крокодил пропел давно!
Как вы там ни упирайтесь,
Ни кусайтесь, ни брыкайтесь —
Не поможет всё равно!

Громко плачут Зверь и Пташка,
— Караул! — кричит Пчела,
С воем тащится Букашка...
Неужели им так тяжко
Приниматься за дела?

Ну вот! Стихи — и те неправильные! — сказала бедняжка Алиса, и глаза её снова наполнились слезами.

Многие (особенно папы и мамы), безусловно, догадались, какое стихотворение хотела прочитать Алиса. Ну, а для тех, кто его забыл (или не знал), вот оно:

Дети, в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно!
Попроворней одевайтесь,
Светит солнышко в окно.
Человек, и зверь, и пташка —
Все берутся за дела,
С ношей тащится букашка,
За медком летит пчела.

Теперь, я надеюсь, всем понятно, почему Алиса так расстроилась: эти стихи гораздо лучше, а главное полезнее тех, которые она прочла.

— Выходит, я всё-таки, наверное, Мэгги, и буду я жить в их противном домишке, игрушек у меня не будет, играть почти что не придётся, а только всё учить, учить и учить уроки. Ну, если так, если я — Мэгги, я тогда лучше останусь тут! Пусть лучше не приходят и не уговаривают! Я им только скажу: «Нет, вы сперва скажите, кто я буду». Если мне захочется им быть, тогда, так и быть, пойду, а если не захочется — останусь тут... пока не стану кем-нибудь ещё... Ой, мамочка, мамочка,— зарыдала вдруг Алиса,— пусть лучше скорее приходят и угова-а-а-а-ривают! Я прямо вся замучилась тут одна!

Тут она нечаянно глянула на свои руки и очень удивилась, обнаружив, что, сама того не замечая, натянула крошечную перчатку Кролика.

«Как же это я так сумела? — подумала она.— Ой, наверное, я опять буду маленькая!»

Она вскочила и подбежала к столику, чтобы померить, какая она стала.

Вот так так! В ней уже было всего сантиметров шестьдесят, и она продолжала таять прямо на глазах. К счастью, Алиса сразу сообразила, что во всём виноват веер — он по-прежнему был у неё в руках,— и поскорее бросила его в сторону. А то неизвестно, чем бы это кончилось!

— Ай да я! Чуть-чуть не пропала! — сказала Алиса. Она была сильно напугана своим внезапным превращением, но счастлива, что ей удалось уцелеть.— А теперь — в сад!

И она со всех ног помчалась к выходу.

Бедная девочка!

Дверца была по-прежнему на замке, а золотой ключик так и лежал на стеклянном столе...

— Ну уж это я прямо не знаю, что такое,— всхлипнула Алиса.— И ещё я стала прямо Дюймовочкой какой-то! Дальше ехать некуда!

И только она это сказала, как ноги у неё поехали, и — плюх! — она оказалась по шейку в воде. В первую минуту, нечаянно хлебнув солёной водицы, она было решила, что упала в море.

— Тогда ничего, я поеду домой в поезде! — обрадовалась она.

Дело в том, что Алиса однажды уже побывала на море и твёрдо усвоила, что туда ездят по железной дороге. При слове «море» ей представлялись ряды купальных кабинок, пляж, где малыши с деревянными лопатками копаются в песочке, затем ряд домов, а уж за ними — обязательно железнодорожная станция.

Плавать Алиса умела и довольно скоро догадалась, что на самом деле это не море, а пруд, который

получился из тех самых слёз, какие она проливала, когда была великаншей трёх метров ростом.

— Зачем ты столько ревела, дурочка! — ругала себя Алиса, тщетно пытаясь доплыть до какого-нибудь берега.— Вот теперь в наказание ещё утонешь в собственных слезах! Да нет, этого не может быть,— испугалась она,— это уж ни на что не похоже! Хотя сегодня ведь всё ни на что не похоже! Это и называется, по-моему, оказаться в плачевном положении...

От этих печальных размышлений её отвлёк сильный плеск воды. Кто-то бултыхался в пруду неподалёку от неё и шлёпал по воде так громко, что сперва она было подумала, что это морж, а то и бегемот, и даже чуточку испугалась, но потом вспомнила, какая она сейчас маленькая, успокоилась («Он меня и не заметит»,— подумала она), подплыла поближе и увидела, что это всего-навсего мышка, которая, очевидно, тоже нечаянно попала в этот плачевный пруд и тоже пыталась выбраться на твёрдую почву.

«Заговорить, что ли, с этой Мышью? Может, она мне чем-нибудь поможет? — подумала Алиса.— А уж говорить-то она, наверно, умеет — что тут такого, сегодня и не то бывало! Заговорю с ней — попытка не пытка».

И она заговорила:

— О Мышь!

(Вас, наверное, удивляет, почему Алиса заговорила так странно. Дело в том, что не знаю, как вам, а ей никогда раньше не приходилось беседовать с мышами, и она даже не знала, как позвать

(или назвать) Мышь, чтобы та не обиделась. К счастью, она вспомнила, что её брат как-то забыл на столе (случайно) старинную грамматику, и она (Алиса) заглянула туда (конечно, уж совершенно случайно) — и представляете, там как раз было написано, как нужно вежливо звать мышь! Да, да! Прямо так и было написано:

Именительный: кто? — Мышь.
Родительный: кого? — Мыши.
Дательный: кому? — Мыши.

А в конце:

Звательный: — О Мышь!

Какие могли быть после этого сомнения?)

— О Мышь! — сказала Алиса.— Может быть, вы знаете, как отсюда выбраться? Я ужасно устала плавать в этом пруду, о Мышь!

Мышь взглянула на неё с любопытством и даже, показалось Алисе, подмигнула ей одним глазком, но ничего не сказала.

«Наверное, она не понимает по-нашему,— подумала Алиса.— А-а, я догадалась: это, наверное, французская мышь. Приплыла сюда с войсками Вильгельма Завоевателя!»

(Хотя Алиса, как видите, проявила обширные познания в истории, справедливости ради надо подчеркнуть, что она не слишком ясно представляла себе, когда что случилось.)

Вильгельм Завоеватель высадился со своей дружиной на берегах Альбиона в лето 1066.

По-французски Алиса знала из всего учебника твёрдо только первую фразу и решила пустить её в ход.

— Ou est ma chatte? — сказала она.

Мышь так и подпрыгнула в воде и задрожала всем телом.

И не удивительно, ведь Алиса сказала: «Где моя кошка?»

— Ой, простите! — поспешила извиниться Алиса, догадавшись, что огорчила бедную мышку.— Я просто как-то не подумала, что ведь вы не любите кошек.

— «Не любите кошек»! — передразнила Мышь пронзительным голосом.— А ты бы их любила на моём месте?

— Наверное, наверное, нет,— примирительным тоном сказала Алиса.— Вы только не сердитесь! А всё-таки я бы хотела познакомить вас с нашей Диночкой! Вот ручаюсь, если вы её только увидите, вы сразу полюбите кошечек! Она такая ласковая, милая кисонька,— продолжала Алиса вспоминать вслух, не спеша подплывая к Мыши,— и она так приятно мурлычет у камина, и так хорошо умывается — и лапки, и мордочку моет, и она так уютно сидит на руках, и она вся такая мягонькая, пушистая — одно удовольствие, и она так здорово ловит мышей... Ой, простите меня, пожалуйста! — опять закричала Алиса, потому что Мышь вся ощетинилась, и уж тут не приходилось сомневаться, что она возмущена Алисиной бестактностью до глубины души.— Не будем больше о ней говорить, раз вам так неприятно,— смущённо пролепетала Алиса.

— Говорить? — с негодованием пискнула Мышь, дрожа до самого кончика хвоста.— Стала бы я *говорить* о таком неприличном предмете! Я и слышать об этом не желаю! В нашем семействе всегда терпеть не могли этих подлых, мерзких, вульгарных тварей! И прошу вас — больше ни слова!

— Не буду, не буду,— торопливо уверяла её Алиса.— А вы... а вы любите... любите... собачек? — нашлась она наконец.

Мышь не отвечала. Алиса сочла её молчание за согласие и с воодушевлением продолжала:

— Вот и хорошо! Как раз около нас живёт чудный пёсик, вот бы вам его показать! Представляете, хорошенький маленький терьер, глазки блестят, а шёрстка — просто восторг! Длинная, шоколадная и вся вьётся! И он умеет подавать поноску, и служить, и давать лапку, и чего-чего только не умеет, я даже не всё помню! Его хозяин говорит, он бы с ним ни за какие тысячи не расстался — такой он умный и столько пользы приносит, он даже всех крыс переловил, не только мы... О господи,— сокрушённо перебила себя Алиса,— какая я бестактная девочка!

Несчастная Мышь тем временем уплывала от своей собеседницы что есть духу — только волны шли кругом.

— Мышенька, милая, хорошая, вернитесь! — умильным голосом закричала Алиса.— Честное-пречестное, больше ни слова не скажу ни про Кы, ни про Сы!

Услыхав это обещание, Мышь повернула и медленно поплыла обратно; мордочка у неё была

довольно бледная («Наверное, очень сердится»,— подумала Алиса).

— Выйдем на сушу, дитя,— сказала Мышь еле слышным, дрожащим голосом,— и я расскажу тебе мою историю. Тогда ты поймёшь, почему я ненавижу как Тех, так и Этих.

И в самом деле давно было пора вылезать из воды: в пруду поднялась настоящая толкотня — столько туда свалилось разных птиц и зверей. Среди них оказались: Утка и Попугай, Стреляный Воробей и Орлёнок Цып-Цып и даже вымершая птица Додо, он же Ископаемый Дронт. И кого там ещё только не было!

Между прочим: ДОДО — так называли иногда (конечно, только очень близкие друзья) самого автора «Алисы». Он немного заикался и произносил свою фамилию так: До-До-Доджсон!

Алиса поплыла первой; остальные потянулись за ней, и вскоре вся компания вылезла на берег.

Глава третья,
в которой происходит Кросс по Инстанциям и история с хвостиком

Довольно-таки жалкий вид был у общества, собравшегося на берегу: мокрые пёрышки птиц так и топорщились, мокрый мех зверюшек так и прилипал, вода текла ручьями как с тех, так и с других, и все были сердитые и несчастные. Первым делом, разумеется, надо было придумать,

как скорее обсушиться; посыпались разные предложения, и не прошло и пяти минут, как Алиса разговорилась со всеми запросто, словно была с ними всю жизнь знакома. Она даже серьёзно поспорила с Попугаем, который немедленно надулся и упорно повторял одно и то же:

— Я старше тебя, значит, я всё лучше знаю!

Алиса этого, понятно, так не оставила и потребовала, чтобы он сказал, сколько ему лет, но Попугай категорически отказался.

Ну что ж, всё стало ясно без слов!..

В конце концов Мышь — по-видимому, в этой компании она пользовалась большим уважением — закричала:

— А ну-ка все садитесь и слушайте меня! Сейчас вы у меня будете сухонькие!

Все послушно уселись вокруг неё и приготовились слушать. Алиса — та особенно навострила уши: она была уверена, что если не просохнет очень скоро, то непременно схватит ужасный насморк.

— Экхем! — торжественно прокашлялась Мышь.— Ну, я надеюсь, все готовы? Так вот, воспользуемся самым сухим предметом, какой мне известен, кхегем! Прошу полной тишины в аудитории!

И она начала:

— «Вильгельм Завоеватель, чью руку держал римский первосвященник, вскоре привёл к полному повиновению англосаксов, каковые не имели достойных вождей и в последние годы слишком привыкли равнодушно встречать узурпацию власти и захваты чужих владений. Эдвин, граф Мерсии и Моркар, эрл Нортумбрии...»

— Брррրр! — откликнулся Попугай. Он почему-то весь дрожал.

— Простите,— сказала Мышь нахмурясь, но с подчёркнутой вежливостью,— вы, кажется, о чём-то спросили?

— Я? Что вы, что вы! — запротестовал Попугай.

— Значит, мне показалось,— сказала Мышь.— Позвольте продолжать?

И, не дожидаясь ответа, продолжала:

— «...Эдвин, граф Мерсии и Моркар, эрл Нортумбрии, присягнули на верность чужеземцу, и даже Стиганд, славный любовью к отечеству архиепископ Кентерберийский, нашёл это достохвальным...»

— Что, что он нашёл? — неожиданно заинтересовалась Утка.

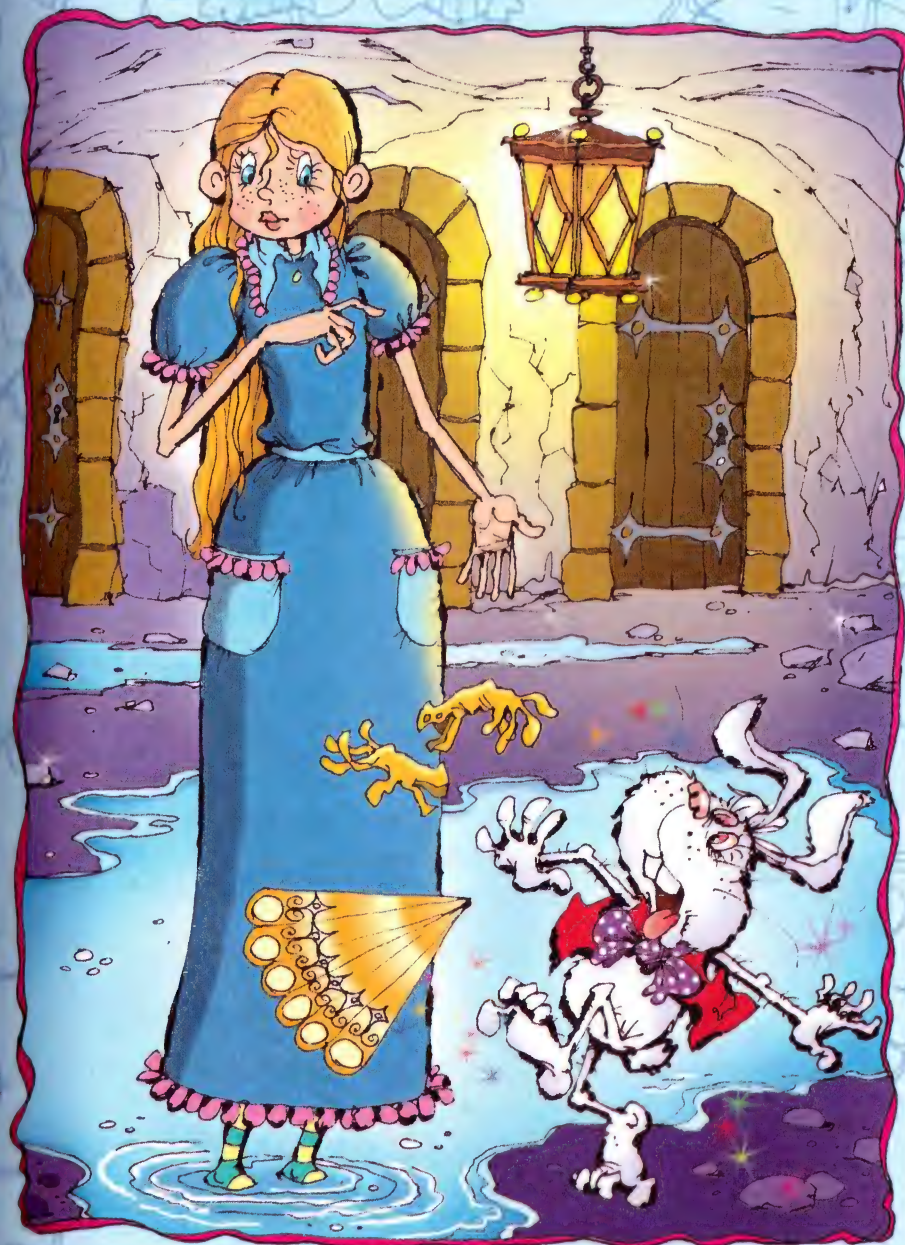
— Нашёл это,— с раздражением ответила Мышь.— Ты что, не знаешь, что такое «это»?

— Я прекрасно знаю, что такое «это», когда я его нахожу,— невозмутимо ответила Утка.— Обычно это — лягушка или червяк. Вот я и спрашиваю: что именно нашёл архиепископ?

Мышь, не удостоив Утку ответом, торопливо продолжала:

— «...хвальным; он же сопутствовал Эдгару Ателингу, отправившемуся к завоевателю, дабы предложить ему корону Англии. Поначалу действия Вильгельма отличались умеренностью, однако разнузданность его норманнов...» Ну как твои делишки, дорогая,— неожиданно обратилась она к Алисе,— сохнешь?

— Мокну! — безнадёжно ответила Алиса.— Что-то на меня это совсем не действует!

Кролик подскочил как ужаленный, выронив перчатки и веер, отпрянул в сторону и тут же скрылся в темноте.

— Экхем! — торжественно прокашлялась Мышь.— Ну, я надеюсь, все готовы? Прошу полной тишины в аудитории!

— В таком случае,— торжественно произнёс Дронт (он же Додо), поднимаясь на ноги,— вношу предложение: немедленно распустить митинг и принять энергичные меры с целью скорейшего...

— А может, хватит на сегодня тарабарщины? — перебил его Орлёнок Цып-Цып.— Я и половины этой абракадабры не понимаю, да и ты сам, по-моему, тоже!

Кое-кто из птиц захихикал, а Орлёнок деликатно отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

— Я только хотел сказать,— обиженно проговорил Дронт,— что в нашем положении лучшее средство просохнуть — это, конечно, устроить Кросс по Инстанциям.

Конечно, Дронт всё напутал: надо говорить «дистанция». И по-моему, как ни бегай — на дистанцию или по инстанциям,— скорее взмокнешь, чем просохнешь!

— А что это такое — Кросс по Инстанциям? — спросила Алиса. Не то чтобы её это очень заинтересовало — просто она, по своей доброте, не могла не выручить Дронта: он явно ждал, что его засыплют вопросами, а все присутствующие тупо молчали...

— Ну,— радостно откликнулся Дронт,— лучший способ объяснить — это самому сделать!

Так как вам, может быть, тоже захочется попробовать в морозный денёк, что это за штука Кросс по Инстанциям, я расскажу, что Дронт сделал.

Прежде всего он, как он выразился, «разметил инстанцию», то есть нарисовал на земле круг

изо всех сил стараясь сохранить серьёзное выражение лица.

Теперь все с чистой совестью принялись за сладкое. Тут не обошлось без писка, визга и мелких происшествий; некоторые птицы покрупней громко жаловались, что не успели даже толком распробовать, а кое-кто из мелюзги второпях поперхнулся, их пришлось похлопать по спинке.

Наконец и с угощением было покончено. Все опять уселись вокруг Мыши и стали её просить рассказать ещё что-нибудь.

— Вы обещали рассказать мне вашу историю, помните? — сказала Алиса.— И почему вы так не любите — Кы и Сы? — добавила она шёпотом, опасаясь, как бы опять не расстроить Мышь.

Мышь повернулась к Алисе и тяжело вздохнула.

— Внемли, о дитя! Этой трагической саге, этой страшной истории с хвостиком тысяча лет! — сказала она.

— История с хвостиком? — удивлённо переспросила Алиса, с интересом поглядев на мышкин хвостик.— А что с ним случилось страшного? Помоему, он совершенно цел — вон он какой длинный!

И пока Мышь рассказывала, Алиса всё думала про мышиный хвостик, так что в её воображении рисовалась приблизительно вот какая картина:

Кот сказал бедной мышке:
— Знаю я понаслышке, что у вас
Очень тонкий, изысканный вкус,
А живёте вы в норке и глодаете корки.
Так ведь вкус ваш испортиться может, боюсь!

Хоть мы с вами, соседка, встречаемся редко,
Ваш визит я бы счёл за особую честь!
Приходите к обеду в ближайшую среду!
В нашем доме умеют со вкусом поесть!..

Но в столовой у кошки
Даже хлеба ни крошки.
Кот сказал: — Пустяки! Не волнуйтесь, мадам!
Наше дело котово — раз, два, три, и готово —
Не успеете пикнуть, как на стол я подам!

До чего хитрый кот! Обратите внимание: он сказал, что только понаслышке знает, какой вкус у мышки. Как будто он никогда не пробовал ни одной мышки!

— Ты не слушаешь,— ни с того ни с сего сердито взвизгнула Мышь,— отвлекаешься посторонними предметами и не следишь за ходом повествования!

— Простите, я слежу, слежу за ним,— смиренно сказала Алиса,— по-моему, вы остановились... на пятом повороте.

— Спасибо! — ещё громче запищала Мышь.— Вот я по твоей милости потеряла нить!

Мышь говорит про ту нить, из которой состоит ТКАНЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ (что это такое, я и сам толком не знаю!). Вообще впервые встречаю таких образованных и обидчивых мышей! И уж совсем непонятно, почему она считает свой собственный хвостик посторонним предметом!

— Потеряли нить? Она, наверно, в траву упала! — откликнулась Алиса, всегда готовая помочь.— Позвольте, я её найду!..

— Ты и так себе слишком много позволяешь! — пискнула Мышь. Она встала и решительно двинулась прочь, бормоча себе под нос: — Вот и мечи бисер перед свиньями! После того что я рассказала, слушать такие глупости! Очень обидно!

— Да я не нарочно! — взмолилась Алиса.— Вы какая-то очень обидчивая!

Мышь в ответ только что-то проворчала.

— Не уходите, пожалуйста, и доскажите свой рассказ! — крикнула Алиса ей вслед, и все остальные хором поддержали её:

— Пожалуйста, доскажите!

Но Мышь только досадливо затрясла головой и ускорила шаги.

— Ах, как жалко-жалко, что она ушла,— сказал Попугай, дождавшись, пока Мышь окончательно скроется из виду.

А какая-то старая Каракатица назидательно сказала своей дочери:

— Пусть это послужит тебе серьёзным уроком, дорогая! Видишь, как важно всегда владеть собой!

На что молодая Каракатица не без раздражения ответила:

— Помолчали бы лучше, мамаша! Вы и устрицу выведете из себя!

— Вот уж когда жаль, что Диночки тут нет! — сказала Алиса громко, хотя и не обращаясь ни к кому в отдельности.— Она бы её живо сюда притащила.

— Кто эта Диночка, позвольте полюбопытствовать? — осведомился Попугай.

На это Алиса, естественно, откликнулась очень

горячо — она всегда была рада случаю поговорить о своей любимице.

— Дина — это наша кошечка! Она так здорово ловит мышей, вы себе просто не представляете! Она даже птиц ловит, да ещё как! Только увидит пташку — и готово дело!

Эта восторженная речь произвела на присутствующих должное впечатление. Несколько птиц немедленно снялись с мест и улетели. Пожилая Сорока поспешно начала кутаться в шаль.

— Я непростительно тут засиделась,— объяснила она,— вечерняя сырость для моего горла — просто яд! Верная ангина. Домой, домой!

Канарейка дрожащим голоском созывала своих детишек:

— Скорей, скорей домой, мои крошечки! Вам давно пора в постельку!

Словом, очень скоро все под разными предлогами разлетелись кто куда, и Алиса осталась в одиночестве.

«И зачем я только вспомнила про Диночку,— грустно думала она.— Никому-то она тут не нравится, а ведь она такая хорошенькая кошечка, лучше её нет на свете? Диночка ты моя дорогая, неужели я тебя вообще больше никогда не увижу!»

Тут Алиса снова заплакала — уж очень ей стало печально и одиноко,— как вдруг невдалеке снова послышался чей-то лёгкий топоток. Она радостно подняла глаза: а вдруг это Мышь передумала и всё-таки вернулась, чтобы досказать свою историю?

Глава четвёртая,
в которой Тритон Билль вылетает в трубу

Нет, это опять был Белый Кролик. Он неторопливо трусил обратно, озабоченно озираясь, словно что-то потерял, и продолжал бормотать себе под нос:

— И ещё эта Герцогиня! Пропала моя головушка, и шкурка пропала, и усики тоже! Пиши пропало! Велит она меня казнить, нет на неё пропасти! И где только я их мог обронить?

Алиса сразу сообразила, что он ищет веер и бальные перчатки, и, как девочка *очень* добрая, немедленно тоже принялась за поиски.

Но ни веера, ни перчаток нигде не было видно, да, пожалуй, и искать их было бесполезно: всё вокруг совершенно переменилось с тех пор, как Алиса купалась в слезах, и всё громадное подземелье, где стоял стеклянный столик и была заветная дверца, исчезло без следа, словно его никогда и не было.

Кролик вскоре заметил Алису, вертевшуюся поблизости, и сердито окликнул её.

— Эй, Мэри-Энн! Ты что тут околачиваешься? — крикнул он.— Сию минуту беги домой и принеси мне веер и бальные перчатки! А ну пошевеливайся!

И он повелительно махнул лапкой, показывая, куда бежать.

Алиса была так ошеломлена, что со всех ног кинулась исполнять приказание, даже не попытавшись объяснить Кролику, что он обознался.

«Он, наверное, принял меня за свою прислугу,— мелькало у неё в голове на бегу.— Вот удивится, когда увидит, как он ошибся! Но я уж, так и быть, лучше принесу ему перчатки с веером. Только вот где их найти?»

А перед ней уже стоял хорошенький маленький домик, на двери которого красовалась начищенная до блеска медная табличка с выгравированным именем владельца:

<u>Б.КРОЛИК</u>

Алиса вошла в дом не постучав и бегом пробежала наверх, в парадные комнаты.

Понимаете, эта добросовестная девочка очень боялась, что встретит настоящую Мэри-Энн и та выставит её из дому, прежде чем Алиса выполнит поручение!

«Хотя вообще-то немного странно, как это я оказалась на побегушках у Кролика! — подумала она.— Чего доброго, ещё Динка начнёт мной командовать!»

И она сразу представила себе такую сцену:

«Мисс Алиса! Идите скорей, пора собираться на прогулку!»

«Не могу, нянечка! Диночка велели мне посторожить мышиную норку, пока они не вернутся, а то как бы мышь не убежала!»

— Только как бы Динку из дому не выгнали,— перебила себя Алиса,— если она попробует так командовать!

Тем временем она оказалась в чистенькой комнатке, где у окна стоял трельяж, а на нём,

как Алиса и надеялась, лежал веер и две-три пары бальных перчаток.

Алиса взяла веер и перчатки и собиралась уже идти, как вдруг заметила на подзеркальнике какой-то пузырёк.

На этот раз на нём не было ярлыка с надписью «ВЫПЕЙ МЕНЯ». Тем не менее Алиса смело вытащила пробку и поднесла пузырёк к губам.

«Я уж знаю: стоит мне что-нибудь съесть или выпить,— думала она,— обязательно случится что-нибудь интересное. Сейчас мы и эту бутылочку проверим! Хорошо бы, она подействовала и я опять стала большая, а то прямо надоело быть такой козявкой!»

Пузырёк подействовал, и ещё как! Не успела Алиса выпить и половины, как упёрлась головой в потолок, и ей пришлось сильно наклониться, чтобы не сломать себе шею. Она поскорее поставила его обратно, приговаривая:

— Ой-ой, хватит, хватит! Ой, неужели я не перестану расти, я и так уже в дверь не пройду! И зачем я столько выпила? Надо было только капельку!

Увы, мысли были совершенно правильные, но несколько запоздалые: Алиса всё росла и росла!

Очень скоро ей пришлось встать на колени, а спустя минуту оказалось, что и этого мало; бедняжка попробовала лечь на пол, упёршись локтем одной руки в дверь, а другую руку положив за голову. Но скоро ей опять стало не хватать места — она всё продолжала расти. Тогда она попробовала последнее средство: руку высунула в окно, а одну ногу поместила в камине.

«Всё! — подумала она в отчаянии.— Больше ничего не поделаешь, будь что будет!»

К счастью, на этом действие волшебного напитка прекратилось — расти Алиса перестала.

Но она и без того была в незавидном положении: ей было тесно, неудобно и, главное, не было никакой надежды выбиться на волю. Не мудрено, что Алиса на минутку повесила нос.

«Насколько лучше было дома,— думала бедная девочка,— там, по крайней мере, человек знал, какого он будет роста через пять минут! А тут!.. То ты большая, то ты маленькая, и всякие мыши и кролики помыкают тобой как хотят! Нет, наверное, зря я полезла в эту кроличью нору. Хотя... хотя... нет, всё-таки тут довольно-таки интересная жизнь! Самое интересное — как это всё вдруг могло случиться со мной? Ведь раньше, когда я читала сказки, я думала, на самом деле таких вещей никогда не бывает, а тут, пожалуйста, сама попала в самую настоящую сказку! Обязательно надо написать про меня книжку, вот что! Когда я буду большая, я сама...» — И тут Алиса запнулась.

— Да ведь я и так большая,— грустно сказала она,— а уж в этой-то комнате мне больше никак не вырасти!

«А вдруг я и правда больше не буду расти? — думала Алиса.— Значит, я и старше не стану! Пожалуй, это неплохо: никогда не стану старушкой! Да, но ведь тогда мне придётся всю жизнь учить уроки. Нет уж, спасибо!..»

— Ну и дурочка же ты, моя дорогая,— вновь перебила она сама себя.— Какие тебе ещё тут уроки!

Ты сама-то еле-еле помещаешься, а куда ты денешь книжки и тетрадки?

Она продолжала всё в том же духе, изображая то одного, то другого собеседника, и беседа уже неплохо налаживалась, как вдруг со двора до неё донёсся чей-то крик. Алиса замолчала и прислушалась.

— Мэри-Энн! Мэри-Энн! — кричал знакомый голос.— Сию минуту неси перчатки!

И тут на лестнице послышался лёгкий, быстрый топоток.

Алиса сразу догадалась, что это Кролик бежит её искать, и задрожала так, что весь дом заходил ходуном,— она совершенно забыла, что ведь сейчас она, может, в тысячу раз больше Кролика и, значит, ей совершенно нечего его бояться.

Кролик был уже у дверей; он попытался войти, но дверь открывалась внутрь и Алиса крепко упёрлась в неё локтем, так что все старания его были бесполезны.

— Ну что ж, тогда зайду с той стороны и попробую влезть в окно,— пробормотал он себе под нос.

«Как бы не так!» — подумала Алиса и приготовилась. Когда, по её расчётам, Кролик как раз добрался до карниза, она внезапно высунула руку в окно как можно дальше и наудачу попыталась его схватить; схватить она ничего не схватила, но тем не менее за окном раздался писк, звук падения и звон разбитого стекла. (Алиса подумала, что Кролик, видно, угодил в парник с огурцами, теплицу или что-нибудь в этом роде.)

Затем раздался яростный вопль:

— Пат! Пат! Куда ты там запропастился?

(Это кричал Кролик.)

Ему ответил голос, которого Алиса ещё не слыхала:

— Стало быть, тут я, ваше вашество! Яблочки выкапываю!

— «Яблочки выкапываю»! — сердито передразнил Кролик.— Нашёл занятие! Иди-ка лучше помоги мне выбраться отсюда!

(Снова послышался звон битого стекла.)

— А теперь скажи мне, Пат, что это там такое торчит в окне?

— Стало быть, ручкя, вашество! (Слово «ручка» Пат произносил именно так — «ручкя».)

— «Ручкя», осёл! Ничего себе ручка! Еле в окно пролезла!

— Стало быть, так-то оно так, вашество, а только это ручкя, напротив правды не попрёшь!

— Ну ладно, пусть ручкя, только ей там не место! Изволь убрать её оттуда!

Наступила долгая пауза. Собеседники, как видно, говорили еле слышным шёпотом, и лишь изредка Алисе удавалось расслышать отдельные выражения.

— Стало быть, не лежит у меня душа к этому делу, вашество. Никак не лежит. Ну никак!

— Делай, что приказано, трус несчастный!

Наконец Алиса, не выдержав, опять наудачу цапнула рукой.

На этот раз запищали двое, и стёкла сыпались гораздо дольше. «Ну и много же у них парников,—

подумала Алиса.— Интересно, что они там ещё придумают! «Изволь убрать её оттуда»! Я бы рада была отсюда убраться! Хорошо бы, они правда смогли меня отсюда вытащить!»

Долгое время всё было тихо.

И вот заскрипели колёсики маленькой тележки и послышались голоса. Загомонила целая толпа народу:

— А где другая лестница?

— Мне велели одну привезть! Другая у Билля!

— Эй, Билль! Волоки её сюда!

— Становь с этого угла!

— Постой, давай сперва свяжем, а то нипочём не достанешь!

— Достанешь, не бойся! Куда они денутся!

— Эй, Билль! Держи верёвку!

— А крыша-то выдержит?

— Осторожней, вы! Там одна черепица еле живая!

— Ой, падает, падает!

— Головы береги!

(Треск и грохот.)

— Ну, кто это устроил?

— Билль, кто же ещё!

— А в трубу-то кто полезет? Ты, что ли?

— Ещё чего! Сам лезь!

— Нашёл дурака!

— Полезет Билль.

— Билль, тебе придётся!

— Эй, Билль, слыхал? Хозяин тебе велит лезть в трубу!

— Давай уж, брат!

«Бедный Билль,— сказала Алиса про себя.— И в трубу тоже ему лезть! Всё на него сваливают! Нет, я бы с ним не поменялась! У меня положение безвыходное, но я хоть брыкаться могу!»

Она просунула ногу подальше в дымоход и подождала, пока не услышала, что какое-то маленькое существо (какое именно, она не могла понять) шуршит и скребётся в трубе.

— Вот и Билль пожаловал,— сказала она, как следует наподдала ногой и снова стала ждать, что будет дальше.

Дальше сначала раздался общий крик:

— Эй, Билль летит! Летит!

Потом голос Кролика:

— Кто там у забора! Ловите его!

Потом наступила недолгая тишина.

А потом вновь посыпались восклицания:

— Поддержи ему голову!

— Выпить дайте!

— Осторожней, как бы он не захлебнулся!

— Ну как ты, старина?

— Что там стряслось?

— Выкладывай всё начистоту, не стесняйся!

Наконец слабенький пискливый голосок («Это и есть Билль»,— сообразила Алиса) произнёс:

— Ох, и сам не пойму... Нет, благодарствуйте, будет с меня!.. Маленько полегче... Только в голове туман стоит... Ничего-то я не разобрал: ка-ааак оно шандарахнет меня, так я и полетел оттуда турманом!

— Верно говоришь, старина!

— Правда чистая!

— Всё как есть! — поддержал его дружный хор.

— Придётся сжечь дом,— прозвучал деловитый голос Кролика, и Алиса закричала изо всех сил:

— Только попробуйте! Я на вас Динку напущу!

Немедленно воцарилась мёртвая тишина.

«Ну что они ещё придумают? Будь у них хоть капля ума, они бы сняли крышу»,— думала Алиса.

Через несколько минут снаружи вновь поднялась какая-то возня, и Алиса расслышала слова Кролика:

— Для начала тачки хватит! Только полнее насыпайте.

«Тачки чего?» — взволновалась Алиса.

Но ей недолго пришлось гадать — в ту же минуту в окошко градом полетели мелкие камешки и несколько штук попало ей прямо в лицо. «Это уже никуда не годится»,— подумала Алиса.

— Только попробуйте ещё — я вам покажу! — крикнула она в окно, и снова наступила мёртвая тишина.

И тут Алиса с удивлением заметила, что камешки на полу все превратились в печенье, и её осенила блестящая мысль.

«Если я съем хоть одну штучку,— подумала она,— я, наверное, сразу или вырасту, или наоборот. Но ведь расти-то мне дальше уже некуда,— значит, будет наоборот. Попробую!»

Она сначала попробовала, а потом просто проглотила печеньице. И пришла в восторг — особенно когда заметила, что сразу начала уменьшаться!

Как только Алиса стала такая маленькая, что смогла пройти в дверь, она выбежала из дому.

Дронт торжественно произнёс:

— Я счастлив, сударыня, что имею честь просить вас принять заслуженную награду — этот почётный напёрсток!

Алиса внезапно высунула руку в окно как можно дальше и наудачу попыталась схватить Кролика; за окном раздался писк, звук падения и звон разбитого стекла.

На дворе собралась целая толпа мелких животных и птиц. Все толпились вокруг пострадавшего Билля. Билль — маленький тритон — лежал на травке; одна морская свинка поддерживала ему голову, другая чем-то поила его из бутылки.

Заметив Алису, все они было кинулись к ней, но она во всю прыть помчалась прочь и скоро очутилась в густом лесу.

— Теперь первое, что нужно сделать,— говорила себе Алиса, уходя всё глубже в чащу по лесной тропинке,— это стать, какая я всегда была. А второе, что нужно сделать,— это найти дорогу в тот чудесный садик. Вот и всё. Это будет самый лучший план!

План, что и говорить, был превосходный: простой и ясный, лучше не придумаешь. Недостаток у него был только один: было совершенно неизвестно, как привести его в исполнение.

Алиса озабоченно оглядывалась, разыскивая хоть какой-нибудь просвет в лесной чаще, и вдруг над самым ухом у неё кто-то громко тявкнул. Она вздрогнула и подняла глаза.

Колоссальнейший лохматый щенок смотрел на неё сверху вниз большущими круглыми глазами, нерешительно пытаясь потрогать её лапкой (вернее, лапищей).

— Ах ты мой маленький, ах ты мой бедненький...— умильно заговорила Алиса со щенком. Она даже попыталась посвистеть ему, но свист никак не хотел получаться: бедняжка так дрожала от страха, что и губы у неё тряслись. В голове у неё вертелось одно и то же: «Вдруг щенок голодный, тогда он

свободно сможет меня съесть, подлизывайся не подлизывайся!»

Плохо соображая, что она делает, Алиса подобрала на земле какую-то палочку и протянула её щенку.

Щенок в ответ радостно завизжал, от восторга подпрыгнул, как мячик, а затем набросился на палку и начал с ней отчаянно сражаться. Алиса тем временем юркнула за большой куст чертополоха, опасаясь, как бы щенок на неё не наступил.

Когда она решилась выглянуть из-за куста, щенок как раз предпринял новое наступление на палочку, но немного поторопился и полетел вверх тормашками. «Да,— подумала Алиса,— это всё равно что с лошадью в салочки играть — того и гляди, задавит!»

Она снова забежала за куст. Щенок в это время начал серию энергичных атак на палку, для чего он каждый раз *очень далеко* отбегал назад и делал *очень короткий* бросок вперёд и при этом лаял не закрывая рта; наконец он, совершенно умаявшись, уселся на почтительном расстоянии от палки, свесив язык и зажмурив глазищи.

Это был самый подходящий момент, чтобы улизнуть. Алиса не стала терять времени и кинулась наутёк; она бежала и бежала, пока не запыхалась окончательно, а главное, пока лай щенка не затих в отдалении...

— А всё-таки какой прелестный был щеночек! — сказала Алиса, обмахиваясь листком лютика, к стеблю которого она прислонилась, чтобы отдохнуть.— Как бы мне хотелось, чтобы он был мой! Я бы с ним

играла, учила его всяким фокусам, если бы... если бы только я стала, какая я была раньше! Ой, мамочка, что же это я! Чуть не забыла, что мне первым делом надо вырасти! Как же это сделать? Ага, конечно, надо что-то съесть или выпить, только вот самый главный вопрос — ЧТО?

Да, «что» — это был действительно большой вопрос: сколько Алиса ни озиралась кругом, она видела только траву и цветы, и ничего пригодного для еды или хотя бы для питья что-то не было заметно. Рос, правда, неподалёку большой гриб, размером никак не меньше самой Алисы. Она и его осмотрела очень тщательно: и справа, и слева, и сзади, и даже заглянула ему под шляпку, а потом подумала, что осматривать так осматривать, и надо посмотреть, нет ли чего-нибудь и на шляпке.

Алиса встала на цыпочки, вытянула шею и, заглянув через край, встретилась взглядом с большим синим червяком — гусеницей какой-то бабочки.

Червяк сидел себе на шляпке сложа руки и преспокойно курил длинный кальян, не обращая ни малейшего внимания ни на Алису, ни на всё окружающее.

Как ни странно, Червяк действительно курит кальян — это такая трубка для курения табака, только дым там пропускают через кувшинчик с водой. Зачем это делают, неизвестно. По правде говоря, вообще никому неизвестно, зачем Червяку (а тем более человеку!) курить...

Глава пятая,
в которой Червяк
даёт полезные советы

Червяк и Алиса довольно долго созерцали друг друга в молчании; наконец Червяк вынул изо рта чубук и сонно, медленно произнёс:

— Кто — ты — такая?

Хуже этого вопроса для первого знакомства он ничего бы не мог придумать: Алиса сразу смутилась.

— Видите ли... видите ли, сэр, я... просто не знаю, кто я сейчас такая. Нет, я, конечно, примерно знаю, кто такая я была утром, когда встала, но с тех пор я всё время то такая, то сякая — словом, какая-то не такая.— И она беспомощно замолчала.

— Выражайся яснее! — строго сказал Червяк.— Как тебя прикажешь понимать?

— Я сама себя не понимаю, сэр, потому что получается, что я — это не я! Видите, что получается?

— Не вижу! — отрезал Червяк.

— Простите меня, пожалуйста,— сказала Алиса очень вежливо,— но лучше я, наверное, не сумею объяснить. Во-первых, я сама никак ничего не пойму, а во-вторых, когда ты то большой, то маленький, то такой, то сякой, то этакий — всё както путается, правда?

— Неправда! — ответил Червяк.

— Ну, может быть, с вами просто ещё так не бывало,— сказала Алиса,— а вот когда вы сами так начнёте превращаться — а вам обязательно

придётся, знаете? — сначала в куколку, потом в бабочку, вам тоже будет не по себе, да?

— Нет! — сказал Червяк.

— Ну, может быть, у вас это по-другому,— согласилась Алиса.— Зато вот мне ужасно не по себе...

— Тебе? — произнёс Червяк презрительно.— А кто ты такая?

«Ну вот, здрасте, приехали! — подумала Алиса. Правду говоря, она начала уже понемногу терять терпение.— Ну что это в самом деле, от него слова не допросишься»,— думала она.

— По-моему, сначала ВЫ должны мне сказать, кто вы такой! — сказала она величественно и приосанилась.

— Почему? — отвечал Червяк.

Вопрос был для Алисы совершенно неожиданным, и так как она не сумела придумать никакого убедительного ответа, она решила, что, видно, Червяк просто очень не в духе, повернулась и пошла.

— Вернись! — крикнул Червяк ей вдогонку.— У меня есть для тебя важная новость!

Перед таким соблазном Алиса, естественно, не могла устоять и немедленно повернула обратно.

— Не надо выходить из себя! — сообщил Червяк.

— Это всё? — спросила Алиса, чуть не поперхнувшись от негодования.

— Не всё,— сказал Червяк.

«Ладно, так и быть,— подумала Алиса,— подожду. Делать мне всё равно нечего, а может, он в конце концов скажет что-нибудь стоящее».

Червяк долго — минут пять! — молча попыхивал кальяном, но в конце концов действительно опять вынул изо рта чубук и сказал:

— Так ты думаешь, ты в кого-то превратилась?

— Боюсь, что так! — сказала Алиса.— Главное, всё время делаюсь то маленькая, то большая и ничего не могу вспомнить толком.

— Не можешь вспомнить чего? — спросил Червяк.

— Ничего! Даже стихов! — плачевным тоном сказала Алиса.— Я вон даже «Дети, в школу собирайтесь» хотела прочитать, а получилась какая-то чепуха!

— Прочти «Вечер был, сверкали звёзды»,— предложил Червяк.— Очень трогательный стишок!

Алиса послушно встала в позу, сложила перед собой ручки и начала:

— Старикашка,— сынок обратился к отцу,—
Голова твоя так поседела,
Что стоять вверх ногами тебе не к лицу!
Не пора ли бросать это дело?

— В детстве я не рискнул бы,— ответил старик,—
Вдруг да что-то стрясётся с мозгами!
Но теперь, убедившись, что риск невелик,
Я люблю постоять вверх ногами!

— Ты старик,— молвил сын.— И как все говорят,
Ты не тоньше бочонка для пива,
Ты же крутишь по десять кульбитов подряд —
Как, по-твоему, это красиво?

— В детстве, мальчик, я был как волчок заводной:
Приобрёл я у старой чертовки
Чудо-мазь для гимнастов «Тряхнём стариной».
Хочешь банку? Отдам по дешёвке!

— Ты беззубый старик,— продолжал лоботряс,—
Пробавлялся бы манною кашей!
Ты же гуся (с костями!) съедаешь за раз!
Что мне делать с подобным папашей?

— С детства, мальчик, я стать адвокатом мечтал,
Вёл судебные споры с женою;
И хотя я судейским, как видишь, не стал,
Но зато стала челюсть стальною!

— Ты старик! — крикнул сын.— Спорить станешь ты зря.
Организм твой изношен и хрупок.
А вчера ты подкидывал НОСОМ угря!
Разве это приличный поступок?

— Ты, мой сын,— покосился старик на сынка,—
Хоть и молод — нахал и зануда!
Есть вопрос у меня: ты дождёшься пинка —
Или сам уберёшься отсюда?!

— Не то,— сказал Червяк.

— Да, кажется, не совсем те стихи,— смущённо сказала Алиса.— Некоторые слова перепутались!

— Всё никуда не годится с самого начала до самого конца! — решительно подвёл итоги Червяк, и наступило долгое молчание.

На этот раз Червяк заговорил первым.

— Так какого размера ты хочешь быть? — спросил он.

— Да мне почти всё равно,— не подумав, ответила Алиса.— Мне только очень неприятно, когда он так часто меняется. Понятно?

— Мне НЕ понятно,— сухо сказал Червяк.

Алиса промолчала: никогда в жизни ей столько не противоречили, и она уже чувствовала, что, несмотря на недавний совет Червяка, вот-вот выйдет из себя.

— Твой нынешний размер тебе нравится? — спросил Червяк.

— Ну,— замялась Алиса,— если вы не возражаете, я хотела бы чуточку подрасти! Я ведь сейчас с палец ростом. Подумайте, это прямо стыдно быть такого роста!

— Таким ростом можно только гордиться! — сердито закричал Червяк, вытягиваясь во весь рост. Он был как раз длиной в палец.

— Но я так не привыкла,— чуть не плача, взмолилась бедная девочка. «Ужас, какие они тут все обидчивые!» — подумала она и вздохнула.

— В своё время привыкнешь! — заявил Червяк и преспокойно принялся снова дымить своим кальяном.

Теперь Алиса решила подождать, пока Червяк опять сам соблаговолит с ней заговорить.

Через несколько минут он опять вытащил изо рта чубук и отложил его в сторону, затем раза два зевнул и хорошенько потянулся. А потом он не спеша спустился по ножке гриба на землю и куда-то пополз.

И только перед тем как окончательно скрыться в траве, он мимоходом произнёс:

— Откусишь с этого боку — станешь больше,— откусишь с того боку — станешь меньше. Ну-ка, раскуси!

Получалось что-то вроде загадки. «Что же это? Откуда я должна откусить и что раскусить?» — мелькало у Алисы в голове.

— Гриб! — немедленно отозвался Червяк, словно расслышал её последние слова.

И только она его и видела.

Алиса в раздумье уставилась на гриб, пытаясь сообразить, где у него бока, а это было весьма и весьма нелегко, так как шляпка у гриба была совершенно круглая.

Но... хотите — верьте, хотите — нет, Алиса всё-таки нашла выход! Она встала на цыпочки, обхватила шляпку обеими руками и там, куда смогла дотянуться, отломила по кусочку — сразу и правой и левой рукой!

Теперь оставалось самое трудное: решить, с какого начать. «Какой какой? Какой — ТОТ, какой — ЭТОТ?» — лихорадочно думала Алиса и в конце концов отважилась откусить — совсем чуточку! — от того кусочка, который был в правой руке.

И в ту же секунду почувствовала сильный удар в подбородок: он стукнулся об её собственные ботинки!

Как ни ошеломлена была Алиса, она всё же сообразила, что времени терять нельзя: надо немедленно откусить хоть чуточку от другого куска, иначе она пропала!

Это было ужасно трудно: подбородок бедной девочки так сильно прижало к ногам, что она никак не могла открыть рот!

И всё-таки Алиса ухитрилась кое-как откусить и проглотить крошечку...

* * *

— Ура! Голова на воле! — закричала Алиса в восторге, но её восторг тут же сменился испугом: теперь куда-то пропали её плечи! Ну прямо как в воду канули!

Алиса глядела во все глаза, но внизу ничего не было видно, кроме бесконечно длинной шеи, вздымавшейся, словно мачта, над целым морем зелени.

— Куда же они могли деваться? — громко спросила Алиса.— А это что за новое море, интересно? Ой, ручки мои дорогие, и вы пропали! Где вы, ау-у!

Тут она попробовала пошевелить руками, но почти безрезультатно.

Только где-то там, далеко внизу, лёгкий трепет прошёл по зелени.

Ну что ж, если поднять руки к голове было невозможно, можно было попробовать наклонить к ним голову. Алиса так и сделала, и, к счастью, оказалось, что её новая шея великолепно гнётся в любом направлении. Изящно изогнув её плавным зигзагом, Алиса собиралась нырнуть в зелёное море (она уже поняла, что это просто листва на верхушках деревьев, под которыми она только что гуляла), как вдруг громкий свистящий звук заставил её отпрянуть.

На неё яростно налетела большая голубка, стараясь ударить её крылом прямо в лицо.

— Змея! — отчаянно кричала Голубка.— Ах ты змея!

— Какая я вам змея! — возмутилась Алиса.— Оставьте меня в покое!

— Змея — змея и есть! — повторила Голубка, но уже не так уверенно. А потом она прибавила, чуть не плача: — Чего только я не перепробовала — и всё зря. На них не потрафишь!

— О чём вы говорите? Я ничего не понимаю,— сказала Алиса.

— Корни деревьев пробовала, речные откосы пробовала, колючие кусты пробовала,— не слушая Алисы, продолжала Голубка,— им всё мало! Проклятые твари!

Тут Алиса уже окончательно перестала что-нибудь понимать. Но она чувствовала, что, пока Голубка не выскажется до конца, лучше помолчать.

— Как будто это лёгкая работа — сидеть на яйцах! — продолжала Голубка, всё повышая голос.— Попробуй сама, так узнаешь! А я, несчастная, мало того, что сижу как проклятая, ещё должна день и ночь караулить, как бы змеи не забрались в гнездо! Бедная моя головушка! Три недели глаз не сомкнула ни днём ни ночью!

— Ой, простите за беспокойство! — сочувственно сказала Алиса. Она начала понимать, в чём дело.

— И как раз, когда я нашла самое высокое дерево в лесу,— продолжала Голубка (она уже кричала),— и как раз, когда уже стала надеяться, что вздохну хоть на минуту,— не тут-то было!

Прямо с неба на меня сваливаются, проклятые! Ах ты змея!

— Да я же не змея — говорят вам,— сказала Алиса.— Я просто... я просто...

И тут она запнулась.

— Ну, что ж ты? Говори, говори! — насмешливо сказала Голубка.— Ещё ничего не успела придумать, да?

— Я... я девочка,— сказала Алиса не вполне уверенно, не будем скрывать: ей, бедняжке, вдруг сразу вспомнились все её сегодняшние превращения.

— Так я тебе и поверила! — ответила Голубка с величайшим презрением.— Не мало повидала я на своём веку разных девочек, но чтобы у девочки была та-а-а-кая шея! Нет, не на дуру напала! Ты змея, вот кто ты такая! И лучше не ври! Ты мне ещё скажешь, что никогда яиц не ела.

— Яйца я, конечно, ела,— сказала Алиса — она была на редкость правдивый ребёнок.— Девочки ведь тоже едят яйца!

— Быть того не может,— сказала Голубка.— Ну, а уж если правда едят, значит, они просто-напросто змеи, только особой породы! Вот тебе и весь мой сказ!

Алису так поразила эта — совершенно новая для неё — мысль, что она в растерянности умолкла.

— Всё понятно! — воспользовавшись паузой, немедленно прибавила Голубка.— Ты тут ищешь яички! Какая же для меня разница — девочка ты или змея?

— Зато для меня это очень большая разница! — возмутилась Алиса.— И никаких я яиц тут не ищу,

представьте себе, а уж если бы искала, то не ваши! Я сырые вообще не люблю!

— Ах вот как? Ну, тогда проваливай! — грубовато сказала Голубка, снова усаживаясь в своё гнездо.

Алиса послушалась.

Она с большим трудом пробиралась среди деревьев: ветки всё время цеплялись за её новую шею и ей поминутно приходилось останавливаться и выпутываться; к счастью — хоть и не сразу,— она вспомнила, что ведь в руках у неё так и остались кусочки волшебного гриба. Выбравшись на свободное место, она с величайшей осторожностью стала откусывать по крошечке то от ТОГО, то от ЭТОГО кусочка и то увеличивалась, то уменьшалась, и в конце концов ей удалось стать в точности такой, какой она была обычно.

И знаете, она так отвыкла быть нормальной девочкой, что сперва ей даже стало как-то неловко!

Но конечно, довольно скоро она опять привыкла к себе и начала, по обыкновению, сама с собой беседовать:

— Ну вот, половина дела сделана, а ведь, пожалуй, другая девочка на моём месте могла голову потерять от всех этих превращений! Да, она бы ничего не сделала, а вот я сумела стать, какая была! Первая часть плана выполнена. Теперь остаётся вторая часть: забраться в тот чудесный садик! Интересно, интересно, как же мы туда попадём...

Тем временем она неожиданно вышла на прогалину, где стоял маленький домик — высотой точь-в-точь с саму Алису.

— Не знаю, кто живёт в этом домике,— соображала Алиса,— но только я в таком виде не могу им показаться! Я для них слишком большая, они там все до смерти перепугаются!

И предусмотрительная девочка опять взялась за гриб из ТОЙ руки и ела до тех пор, пока не стала ростом примерно с кошку.

Глава шестая, *в которой встречаются поросёнок и перец*

Она уже минуты две стояла в нерешительности, разглядывая дом, как вдруг из леса выбежал ливрейный лакей и изо всей мочи забарабанил в дверь. (Алиса догадалась, что это ливрейный лакей, потому что на нём была ливрея; судя же по лицу, это был просто карась.)

Ливрей сейчас уже никто не носит, хотя лакеи кое-где, говорят, ещё встречаются.

Дверь отворилась, и из дому вышел Швейцар, тоже в ливрее, с круглой физиономией и выпученными, как у лягушки, глазами — точь-в-точь взрослый головастик.

У обоих на головах были пудреные парики с длинными завитыми буклями.

Тут Алисе стало очень интересно; она подкралась немного поближе к дому и, спрятавшись за кустиком, приготовилась слушать и смотреть.

Лакей-Карась начал с того, что вытащил из-под мышки огромный конверт (чуть ли не больше его самого) и с важным видом вручил его Головастику.

— Герцогине,— величественно произнёс он.— От Королевы. Приглашение на вечерний крокет.

Швейцар-Головастик с тем же величественным видом повторил всё слово в слово, только немного не в том порядке:

— От Королевы. Герцогине. Приглашение на вечерний крокет.

Затем оба поклонились друг другу так низко, что их букли чуть не перепутались.

Алисе почему-то стало до того смешно, что пришлось ей опять убежать подальше в лес, чтобы они не услышали, как она хохочет. А когда она, вволю насмеявшись, вернулась на прежнее место и отважилась снова выглянуть из-за куста, Карася уже не было, а Швейцар сидел на земле у входа в дом и бессмысленно таращился на небо. Алиса робко подошла к двери и постучалась.

— Стучать нет никакого смысла, барышня,— сказал Швейцар.— По двум существенным причинам. Первое: я за дверью, и вы за дверью, и вдобавок мы оба снаружи. Второе: они там так шумят, что никто вашего стука не слышит. Не так ли?

Действительно, из дому доносился невероятный шум: кто-то без остановки ревел, кто-то (тоже без остановки) чихал, и — мало того — то и дело раздавался страшный треск и звон, словно там изо всех сил били посуду.

— Извините, а как же мне тогда попасть в дом? — спросила Алиса.

— Кое-какой смысл стучать мог бы ещё быть,— продолжал Швейцар-Головастик, не обращая ни малейшего внимания на вопрос Алисы,— если бы эта дверь нас разделяла. Пример. Вы, барышня, находитесь в доме. Я нахожусь здесь. Вы стучите. Я отворяю вам дверь. Вы выходите. И вот вы тоже снаружи. Не так ли?

Всё это время он не отрываясь глядел в небо, и Алиса решила, что он ужасный невежа.

«Хотя, может быть, он не виноват,— тут же подумала она,— просто у него глаза так устроены: сидят, честное слово, на самой макушке! Да, но хоть на вопросы-то он мог бы отвечать!»

— Как же мне попасть в дом? — повторила она погромче.

— Возможно, я просижу здесь,— продолжал Швейцар,— до завтра...

В этот момент дверь дома отворилась, и большое блюдо полетело прямо Швейцару в голову; ему сильно повезло — блюдо лишь слегка мазнуло его по носу и, попав в дерево за его спиной, разлетелось вдребезги.

— ...или, возможно, до послезавтра,— продолжал Головастик как ни в чём не бывало,— а может быть...

— КАК МНЕ ПОПАСТЬ В ДОМ? — повторила Алиса уже совсем громко.

— А кто сказал, что вы вообще должны попасть в дом, барышня? — сказал Швейцар.— Начинать надо с этого вопроса, не так ли?

Так-то оно было, конечно, так, только Алиса не любила, когда с ней так говорили.

Червяк сидел себе на шляпке сложа руки и преспокойно курил длинный кальян, не обращая ни малейшего внимания ни на Алису, ни на всё окружающее.

На Алису яростно налетела большая голубка, стараясь ударить её крылом прямо в лицо.

— Змея! — отчаянно кричала Голубка.— Ах ты змея!

— Прямо ужас, как вся эта живность любит спорить! — пробормотала она себе под нос.— С ума можно сойти!

А Швейцар, судя по всему, решил, что настал самый подходящий момент, чтобы вернуться к его любимой теме.

— Может быть, я так и буду сидеть здесь — день за днём... День ото дня... Изо дня в день,— завёл он.

— А что же мне делать? — спросила Алиса.

— Всё, что хочешь! — ответил Швейцар-Головастик и начал что-то насвистывать.

«Да что с ним говорить! — подумала отчаявшаяся Алиса.— Это просто какой-то идиотик!»

Она решительно распахнула дверь и вошла. Дверь открывалась прямо в большую кухню.

Там стоял дым коромыслом: посреди на трёхногой табуретке сидела Герцогиня и качала на коленях младенца; Повариха, согнувшись над плитой, что-то помешивала в большой кастрюле. Алисе показалось, что там варится суп.

Хотел бы я знать, как Алиса догадалась, что это герцогиня? Впрочем, в те времена герцогини встречались гораздо чаще, и Алисе, стало быть, виднее.

«И-и-и-чхи! В этом — апчхи! — супе — чхи! — слишком много... а-а-а-пчхерцу!» — с трудом подумала Алиса — так она расчихалась в первую же минуту, как вошла.

Перцу действительно было слишком много, если и не в супе, то во всей кухне. Герцогиня и та

чихала довольно регулярно, а младенец вообще не делал перерывов, он либо чихал, либо ревел и переставал реветь только для того, чтобы чихнуть... И наоборот.

Во всей кухне не чихали только двое: сама Повариха и большущий Кот — он лежал у печки и улыбался во весь рот.

— Скажите, пожалуйста,— начала Алиса нерешительно (она была воспитанная девочка и потому не совсем уверена, прилично ли ей первой заговаривать со старшими),— почему ваш Кот так улыбается?

— Это Чеширский Кот,— сказала Герцогиня,— вот почему. Поросёнок!

А вы знаете, кто такой Чеширский Кот? Одни учёные говорят, что на самом деле чеширский кот — это просто... сыр! В старину в Англии был такой сорт сыра — в виде улыбающейся кошачьей головы. А другие уверяют, что это — леопард, который был нарисован на вывеске трактира в Чешире (есть такое место в Англии). По-моему, Кот всё-таки больше похож на леопарда, чем на сыр. Хотя я могу и ошибиться.

Последнее слово она выпалила с такой яростью, что Алиса так и подскочила, но она тут же сообразила, что оно относится не к ней, а к младенцу, и, собравшись с духом, снова заговорила:

— Я не знала, что Чеширские Коты должны улыбаться. По правде говоря, я вообще не знала, что коты умеют улыбаться.

— Все они умеют,— сказала Герцогиня,— и большинство не упускает случая!

— А я, представьте себе, ни одного такого не знала! — сказала Алиса весьма светским тоном. В глубине души она была в восторге, что сумела завязать такую интересную беседу с Герцогиней.

— Ты многого не знаешь,— категорически заявила Герцогиня,— это факт!

Такого рода замечание Алисе никак не могло понравиться, и ей сразу захотелось поговорить о чём-нибудь совсем-совсем другом.

Но пока она старалась найти более привлекательный предмет для беседы, Повариха сняла кастрюлю с плиты и, не теряя времени, взялась за другое дело. А именно: она начала швырять всем чем ни попало в Герцогиню с младенцем.

В первую очередь в них полетели кочерга, совок и щипцы для угля, затем градом посыпались сковородки, тарелки, чашки.

Правда, Герцогиня, казалось, ничего не замечала, даже когда в неё попадало кое-что, а ребёночек и без того так вопил, что никак нельзя было понять, ушибли его или нет.

Но Алиса была вне себя от ужаса.

— Пожалуйста, пожалуйста, перестаньте! — кричала она, прыгая на месте от волнения.— Ой, вот сейчас прямо в наш дорогой носик! — Это относилось к огромной сковороде, которая пролетела у ребёночка перед самым носом и чуть-чуть не прихватила упомянутый нос с собой.

— Если бы никто не совал носа в чужие дела,— проворчала Герцогиня,— мир завертелся бы куда быстрей, чем сейчас.

— Ну и что же тут хорошего? — с готовностью подхватила Алиса, обрадовавшись долгожданному случаю блеснуть своими познаниями.— Представляете, какая бы началась путаница! Никто бы не знал, когда день, когда ночь! Ведь тогда бы от вращения...

— Кстати, об отвращении! — сказала Герцогиня.— Из отвратительных девчонок делают отбивные котлеты!

Алиса испуганно покосилась на Повариху, но, убедившись, что та, пропустив этот намёк мимо ушей, вновь деловито помешивает свой суп, продолжала (правда, несколько сбивчиво):

— Я только хотела сказать, что если сейчас Земля совершает один оборот за двадцать четыре часа... Или наоборот: двадцать четыре оборота за час...

— Ах, не мучай меня, дорогая,— сказала Герцогиня,— цифры — это моё слабое место!

И она снова принялась укачивать своего ребёночка, напевая нечто вроде колыбельной и изо всех сил встряхивая бедняжку в конце каждой строчки:

Малютку сына — баю-бай! —
Прижми покрепче к сердцу
И никогда не забывай
Задать ребёнку перцу!

Баюкай сына своего
Хорошею дубиной —
Увидишь, будет у него
Характер голубиный!

ПРИПЕВ
(Его дружно подхватили Повариха и младенец):

Уа-а! Уа-а! Уа-а!

А исполняя второй куплет этой странной колыбельной, Герцогиня так свирепо подбрасывала младенца и несчастный малыш так отчаянно вопил, что Алиса разобрала только половину слов:

. . . .
Уж я-то деточку свою
Лелею, словно розу!
И я его — баю-баю,
Как сидорову козу!

ПРИПЕВ:

Уа-а! Уа-а! Уа-а!

— Держи! — крикнула Герцогиня Алисе и швырнула ей ребёнка.— Можешь понянчиться с ним, если хочешь. Я должна переодеться к вечернему крокету у Королевы.

С этими словами она выбежала из кухни. Повариха запустила сковородой ей вдогонку, но немного промахнулась.

Алиса с трудом удержала малыша в руках. Он был какой-то странный. Руки и ноги у него торчали во все стороны. «Прямо как у морской звезды»,— подумала Алиса.

Бедный крошка пыхтел как паровоз, вырываясь от своей новой няньки. Он то складывался вдвое,

то опять весь растопыривался; Алисе долго не удавалось взять его поудобнее.

Как только ей это наконец удалось (для чего пришлось завязать ребёночка узлом и крепко держать за правое ухо и левую пятку, чтобы он не мог развязаться), она вынесла его на свежий воздух.

«Придётся взять малыша с собой,— подумала Алиса,— а то они его не сегодня-завтра укокошат!»

— Оставить его тут — это просто преступление!

Последнюю фразу она сказала вслух, и ребёнок хрюкнул в ответ (чихать он уже перестал).

— Не хрюкай,— сказала Алиса строго,— детям хрюкать неприлично, и никто тебя не поймёт!

Малыш опять хрюкнул, и Алиса встревоженно заглянула ему в лицо, не понимая, что же это такое делается.

Нос у него, правда, был что-то уж очень курносый, больше похожий на пятачок, чем на настоящий нос; да и глаза были что-то маловаты для нормального ребёнка, и вообще Алисе не очень понравился его вид.

«А всё-таки, может быть, он просто хныкал?» — подумала добрая девочка и опять заглянула ему в глаза — нет ли там слёз.

Нет, слёз не было и в помине.

— Смотри, мой дорогой,— строго сказала Алиса,— если ты решил вести себя по-свински, я с тобой не буду водиться! Заруби себе на носу.

Бедный малыш опять хныкнул (или хрюкнул, трудно было понять), и они молча двинулись дальше.

Алиса начала уже обдумывать, что она будет с ним делать, когда приведёт его домой, как вдруг он снова хрюкнул, да так отчаянно, что она опять в испуге поглядела на него. И на этот раз уже не оставалось никаких сомнений: это был самый настоящий поросёнок!

Разумеется, было бы совершенно нелепо тащить его дальше на руках; Алиса пустила малыша на землю и с облегчением увидела, что он преспокойно затрусил куда-то в лес.

«Ну что ж, ничего,— подумала она,— ведь из него мог выйти очень противный мальчишка. А так получился очень симпатичный поросёнок!»

И Алиса стала вспоминать других знакомых детей, из которых могли бы выйти развеликолепные поросята, и уже говорила про себя: «Вот бы только узнать такое средство, чтобы превратить их...», как вдруг она вздрогнула и остановилась.

В нескольких шагах от неё на ветке какого-то дерева сидел Чеширский Кот.

Кот тоже заметил Алису и только улыбнулся.

«На вид он не злой»,— подумала Алиса.

И правда, вид у Кота был добродушный, но только уж очень длинные когти и зубов полон рот — всё это внушало почтение.

— Чеширский Мурлыка...— заговорила Алиса несмело — она не знала, понравится ли ему такое обращение.

Кот в ответ улыбнулся ещё шире.

«Значит, не сердится»,— подумала Алиса и продолжала:

— Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

— Это во многом зависит от того, куда ты хочешь прийти,— ответил Кот.

— Да мне почти всё равно,— начала Алиса.

— Тогда всё равно, куда идти,— сказал Кот.

— Лишь бы попасть куда-нибудь,— пояснила Алиса.

— Не беспокойся, *куда-нибудь* ты обязательно попадёшь,— сказал Кот,— конечно, если не остановишься на полпути.

Алиса почувствовала, что спорить тут не приходится, и решила подойти к вопросу с другой стороны.

— Скажите, а кто тут кругом живёт? — спросила она.

— В этой стороне,— Кот помахал в воздухе правой лапой,— живёт некто Шляпа. Форменная Шляпа! А в этой стороне,— и он помахал в воздухе левой лапой,— живёт Очумелый Заяц. Очумел в марте. Навести кого хочешь. Оба ненормальные.

— Зачем это я пойду к ненормальным? — пролепетала Алиса.— Я их... Я лучше к ним не пойду...

— Видишь ли, этого всё равно не избежать,— сказал Кот,— ведь мы тут все ненормальные. Я ненормальный. Ты ненормальная.

— А почему вы знаете, что я ненормальная? — спросила Алиса.

— Потому что ты тут,— просто сказал Кот.— Иначе бы ты сюда не попала.

Хотя такой ответ не совсем устраивал Алису, она не могла удержаться от дальнейших расспросов.

— А почему вы знаете, что вы ненормальный? — спросила она.

— Начнём с собаки,— сказал Кот.— Возьмём нормальную собаку, не бешеную. Согласна?

— Конечно! — сказала Алиса.

— Итак,— продолжал Кот,— собака рычит, когда сердится, и виляет хвостом, когда радуется. Она, как мы условились, нормальная. А я? Я ворчу, когда мне приятно, и виляю хвостом, когда злюсь. Вывод: я — ненормальный.

— Разве вы ворчите? По-моему, это называется мурлыкать,— сказала Алиса.

— Пусть называется как угодно,— сказал Кот.— Ты вечером будешь на крокете у Королевы?

— Ой, я бы очень хотела,— сказала Алиса,— да только меня что-то ещё не приглашали.

— Значит, до вечера,— сказал Кот и исчез.

Не сказать, чтобы Алиса так уж сильно этому удивилась — она уже привыкла ко всяким чудесам,— но всё-таки она долго не могла отвести глаз от ветки, на которой только что сидел Кот. Как вдруг он появился снова.

— Кстати, чуть не забыл спросить,— сказал он,— что же случилось с тем ребёнком?

— Он превратился в поросёнка,— честно ответила Алиса.

— Так я и думал,— сказал Кот и опять исчез.

Алиса подождала немного, втайне надеясь, что он снова появится, но Кота всё не было, и она пошла в ту сторону, где, по его словам, жил Очумелый Заяц.

«Шляпы я и раньше видела,— думала она,— а Заяц, конечно, намного интереснее! А потом,

ведь сейчас май месяц, а не март — может, он уже поправился, стал нормальный...»

Тут она подняла глаза. Перед ней на ветке опять сидел Кот.

— Как ты сказала — «в поросёнка» или «в карасёнка»? — с живым интересом спросил он.

— Я сказала «в поросёнка»,— отвечала Алиса,— и можно вас попросить не исчезать и не появляться всё время так внезапно, а то у меня прямо голова кружится!

— Договорились,— сказал Кот и на этот раз действительно стал исчезать по частям, не спеша: сначала пропал кончик хвоста, а потом постепенно всё остальное; наконец осталась только одна улыбка — сам Кот исчез, а она ещё держалась в воздухе.

«Вот это да! — подумала Алиса.— Кот с улыбкой — и то редкость, но уж улыбка без Кота — это я прямо не знаю что такое!»

Очень скоро показался невдалеке дом Очумелого Зайца: трубы на нём были в виде заячьих ушей, а крыша покрыта заячьим мехом, так что Алиса сразу догадалась, что это ТОТ САМЫЙ дом.

Дом был такой большой, что она побоялась подойти к нему — сперва она съела немножко гриба из ЭТОЙ руки и стала ростом раза в два побольше. Да и то она сильно замедлила шаги.

«А вдруг он всё-таки бешеный,— думала она,— пожалуй, лучше мне было пойти к Шляпе!»

Глава седьмая,
в которой пьют чай как ненормальные

Возле дома под деревом был накрыт к чаю стол; Шляпа и Заяц пили чай, а между ними помещалась на стуле Садовая Соня — хорошенький маленький зверёк вроде белочки. Она крепко спала; Шляпа и Заяц облокачивались на неё, как на подушку, и разговаривали через её голову.

«Бедная Соня,— первым делом подумала Алиса,— ей, наверное, очень неудобно! Хотя раз она так крепко спит, то, значит, не сердится».

Ещё она заметила, что, хотя стол был очень большой и весь уставлен посудой, вся троица теснилась в уголке, на самом краю.

— Мест нет! Мест нет! — дружно закричали Заяц и Шляпа, как только заметили Алису.

— Места сколько хочешь! — возмутилась Алиса. И она уселась в свободное кресло на другом конце стола.

— Не хочешь ли торта? — любезно предложил Заяц.

Алиса оглядела весь стол, но там ничего не было, кроме чайников и чайной посуды.

— Какого торта? Что-то я его не вижу,— сказала она.

— Его тут и нет,— подтвердил Заяц.

— Зачем же предлагать? Это не очень-то вежливо! — обиженно сказала Алиса.

— А зачем садиться за стол без приглашения? Это не очень-то вежливо! — откликнулся, как эхо, Заяц.

— Я не знала, что это ваш стол,— объяснила Алиса.— Я думала, он накрыт для всех, а не для вас троих!

— Не мешало бы тебе постричься,— неожиданно сказал Шляпа.

Это были первые его слова, хотя всё это время он рассматривал Алису с большим любопытством.

— Делать замечания незнакомым людям — очень грубо! — наставительно сказала Алиса.— Так меня учили!

Шляпа сделал большие глаза — видимо, это замечание его сильно удивило. (Хорошенько подумав, его можно понять!)

Однако в ответ он сказал вот что:

— Какая разница между пуганой вороной и письменным столом?

«Вот это совсем другой разговор! — подумала Алиса.— Загадки-то я люблю! Поиграем!»

— Кажется, сейчас отгадаю,— прибавила она вслух.

По-моему, эта загадка труднее даже знаменитой загадки про полотенце («Висит на стенке, зелёный, длинный и стреляет»). Там хотя бы есть отгадка («Почему стреляет? — Чтобы труднее было отгадать!»). А эту загадку не отгадал ещё никто на свете. Если вам удастся её отгадать, немедленно напишите в Академию наук.

— Ты думаешь, что могла бы отыскать отгадку? — удивлённо спросил Заяц.

— Конечно,— сказала Алиса.

— Так бы и сказала! — укоризненно сказал Заяц.— Надо говорить то, что думаешь!

— Я всегда так и делаю! — выпалила Алиса, а потом, чуточку подумав, честно прибавила: — Ну, во всяком случае... во всяком случае, что я говорю, то и думаю. В общем, это ведь одно и то же!

— Ничего себе! — сказал Шляпа.— Ты бы ещё сказала: «я вижу всё, что ем» и «я ем всё, что вижу» — это тоже одно и то же!

— Ты бы ещё сказала,— подхватил Заяц,— «я учу то, чего не знаю» и «я не знаю то, чего не учу» — это тоже одно и то же!

— Ты бы ещё сказала,— неожиданно откликнулась Соня, не открывая глаз,— «я дышу, когда сплю» и «я сплю, когда дышу» — это тоже одно и то же...

— Ну для тебя-то это одно и то же,— сказал Шляпа, и на этом беседа оборвалась.

Пока все молчали, Алиса лихорадочно пыталась вспомнить всё, что ей было известно про пуганых ворон и письменные столы. Сведений у неё, увы, было не так много.

Шляпа достал из кармашка часы, озабоченно посмотрел на них, встряхнул, поднёс к уху и опять встряхнул.

Он первым нарушил молчание.

— Какое сегодня число? — обратился он к Алисе.

Алиса посчитала в уме, подумала немного и сказала:

— Четвёртое мая!

— Врут на два дня,— вздохнул Шляпа.— Говорил я тебе — нельзя их смазывать сливочным маслом! — добавил он, сердито глядя на Зайца.

— Да ведь... Да ведь... масло было высшего сорта! — неуверенно возразил Заяц.

— Ну и что? Всё равно туда могли попасть крошки! — продолжал ворчать Шляпа.— Незачем было лазить в механизм хлебным ножом!

Заяц взял у него часы, посмотрел на них печально и окунул их в свою чашку. Потом он достал их оттуда и снова внимательно осмотрел. Так как починить часы ему, видимо, не удалось и ничего нового не пришло ему в голову, он повторил свои прежние слова:

— Видите ли, масло было самого высшего сорта!

— Какие у вас странные часы! — сказала Алиса, с большим интересом наблюдавшая за манипуляциями Зайца, заглядывая ему через плечо.— Показывают число, а который час — не показывают!

— А с какой стати? — буркнул Шляпа.— Разве часы обязаны всё показывать? У тебя часы показывают, какой год?

— Конечно, нет,— начала Алиса с полной готовностью,— но ведь...

— Но ведь,— перебил её Шляпа,— ты не скажешь, что они *негодные?*

— Да-а,— сказала Алиса,— год-то — это совсем другое дело! Он так долго стоит на месте — целый год!

— Вот именно! Так сказать можно и про них, так сказать! — заявил Шляпа, и это заявление совсем сбило бедную Алису с толку. Как она ни пыталась,

она не могла найти тут ни тени смысла, хотя все слова были ей совершенно понятны.

— Я вас не совсем поняла,— сказала она со всей возможной при таких обстоятельствах вежливостью.

— Соня опять заснула,— ответил Шляпа и плеснул Соне на нос чаем.

Соня недовольно затрясла головой и пробормотала:

— Конечно, конечно, я сама именно это хотела сказать!

— Так ты отгадала загадку? — спросил Шляпа, снова обернувшись к Алисе.

— Нет, сдаюсь,— сказала Алиса.— А какой ответ?

— Понятия не имею,— сказал Шляпа.

— А я тем более,— поддержал Заяц.

Алиса тяжело вздохнула.

— Как вам не стыдно! Неужели ничего лучше нельзя придумать, чем загадки без отгадок? Вам, видно, время совсем не дорого,— сказала она разочарованно.

— Если бы ты знала время, как я его знаю,— сказал Шляпа,— ты бы не говорила о нём в среднем роде. Оно — не оно, а он — Старик-Время!

— Никогда бы не подумала,— сказала Алиса.

— Понятно! — фыркнул Шляпа, презрительно дёрнув носом.— Ты о нём вообще, наверно, в жизни не думала!

— Нет, почему,— осторожно начала Алиса,— иногда, особенно на уроках музыки, я думала — хорошо бы получше провести время...

— Всё понятно! — с торжеством сказал Шляпа.— Провести время?! Ишь чего захотела! Время не проведёшь! Да и не любит он этого! Ты бы лучше постаралась с ним подружиться — вот тогда бы твоё дело было... в шляпе! Старик бы для тебя что хочешь сделал! Возьми часы: предположим, сейчас девять часов утра, пора садиться за уроки, а ты бы только шепнула ему словечко — и пожалуйста, стрелки так и завертелись. Жжжик! Дело в шляпе: полвторого, пора обедать!

— Ой, как бы хорошо было! — чуть слышно прошептал Заяц.

— Да, конечно, это было бы здорово,— протянула в раздумье Алиса,— но только... но только ведь у меня бы тогда ещё не было аппетита.

— Разве что на первых порах,— сказал Шляпа,— но ведь ты могла бы сколько хочешь подождать!

— А вот вы... а ваше дело в шляпе? — спросила Алиса.

Шляпа уныло покачал головой.

— Охо-хо! — ответил он.— Мы со Стариком поссорились! Недавно, в марте — как раз когда вон он,— он показал своей ложкой на Зайца,— очумел. Понимаешь, у Червонной Королевы был приём, и в концерте я должен был петь романс. Этот, всем известный:

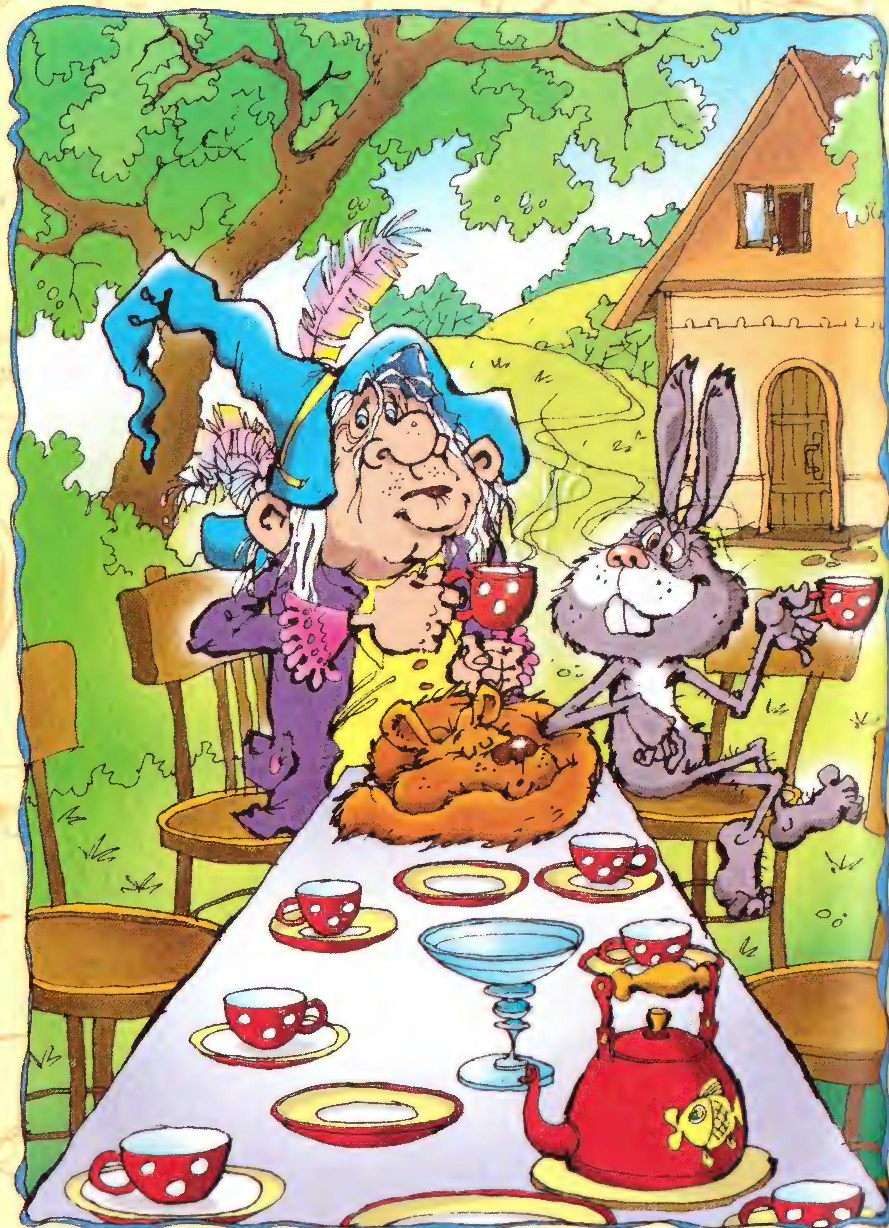
Крокодильчики мои,
Цветики речные!
Что глядите на меня
Прямо как родные?

Припоминаешь?

— Скажите, пожалуйста,— начала Алиса нерешительно ,— почему ваш Кот так улыбается?

— Это Чеширский Кот,— сказала Герцогиня,— вот почему.

Шляпа и Заяц пили чай, а между ними помещалась Садовая Соня. Она крепко спала; Шляпа и Заяц облокачивались на неё, как на подушку, и разговаривали через её голову.

— Я что-то похожее слышала,— сказала Алиса.

— Ну как же! Дальше там, помнишь,— продолжал Шляпа,—

Это кем хрустите вы
В день весёлый мая,
Средь нескошенной травы
Головой качая?

Тут Соня встрепенулась и запела сквозь сон:

— Чая!.. Чая!.. Чая!..

Пела она до тех пор, пока не догадались её ущипнуть. Тогда сразу замолчала.

— И представляешь, не успел я спеть первый куплет,— снова заговорил Шляпа,— Королева завопила: «Он у нас только время отнимает! Отрубить ему голову!»

— Какое ужасное зверство! — воскликнула Алиса.

— А самое ужасное,— продолжал Шляпа трагическим тоном,— что Старик почему-то обиделся! Теперь он меня знать не желает! И с тех пор у нас всегда пять часов.

В Англии есть старинный обычай: в пять часов вечера обязательно пить чай. Особенно странно, что, когда сказка про Алису вышла в свет, такого обычая ещё не было! Но англичане, как известно, вообще большие чудаки.

Тут Алису осенило.

Она вдруг всё поняла.

— Ах, так вот почему у вас тут так много чайной посуды накопилось! — воскликнула она.

— Именно, именно,— сказал Шляпа со вздохом.— У нас всегда время только пить чай! Представляешь? Даже нет времени помыть все эти штуки.

— Значит, вам приходится всё время пересаживаться, да? — спросила Алиса.

— Именно, именно! — сказал Шляпа.— По мере использования посуды!

— Ой! А что же будет, когда вы опять дойдёте до начала? — не удержалась Алиса.

— Не пора ли переменить тему? — вмешался Заяц, зевая.— Мне всё это уже порядком надоело! Предлагаю, чтобы наша юная гостья рассказала нам интересную сказку.

— Ой, лучше не надо! — испугалась Алиса.— Я ни одной как следует не знаю.

— Ну, тогда пускай Соня расскажет! — закричали Шляпа и Заяц.— Соня, хватит спать! Проснись!

И оба ущипнули её — каждый со своего боку.

Соня с трудом открыла глаза.

— Что вы, ребята, я и не думала спать,— сказала она осипшим спросонья голосом.— Я всё слышала, о чём вы тут говорили. Могу повторить каждое слово.

— Расскажи нам сказку! — скомандовал Заяц.

— Пожалуйста, пожалуйста! — умоляла Алиса.

— И поторапливайся,— добавил Шляпа,— а то опять уснёшь, не добравшись до конца!

— В некотором царстве, в некотором государстве,— скороговоркой начала Соня,— жили-были

три сестрички, три бедных сиротки, звали их Элси, Лэси и Тилли, и жили они в колодце на самом дне.

— А что же они там ели и пили? — спросила Алиса, которую всегда весьма интересовали вопросы питания.

Соня долго думала — наверно, целую минуту,— а потом сказала:

— Сироп.

— Что вы! Этого не может быть,— робко запротестовала Алиса,— они бы заболели!

— Так и было,— сказала Соня,— заболели, да ещё как! Жилось им не сладко! Их все так и звали: Бедные Сиропки!

Алиса попыталась себе представить, что ей самой вдруг пришлось вести такую странную жизнь. Но у неё что-то ничего не получилось. Тогда она возобновила расспросы.

— А зачем они поселились в колодце, да ещё на самом дне?

— Почему ты не пьёшь больше чаю? — спросил Заяц заботливо.

— Что значит «больше»? — обиделась Алиса.— Я вообще ничего тут не пила!

— Тем более! — сказал Шляпа.— Выпить больше, чем ничего,— легко и просто. Вот если бы ты выпила меньше, чем ничего,— это был бы фокус!

— А вас никто не спрашивает! — выпалила Алиса.

— Так-с! Кто теперь делает замечания малознакомым людям? — победоносно сказал Шляпа.

Уничтожающий ответ что-то долго не приходил Алисе в голову, так что она просто-напросто намазала себе бутерброд, налила чаю, а спустя некоторое время, обернувшись к Соне, повторила свой вопрос:

— Так зачем же они поселились на дне колодца?

Соня опять долго думала — во всяком случае, долго молчала! — а потом сказала:

— Потому что там было повидло!

— Какое повидло? — возмутилась Алиса.— Вы говорили, там был...

Но тут Шляпа и Заяц ужасно зашикали на неё, а Соня надулась и сказала:

— Не умеешь прилично себя вести — тогда досказывай сама.

— Ой, простите, пожалуйста,— взмолилась Алиса,— пожалуйста, рассказывайте, я вас больше ни разу не перебью! Вы говорили — там что-то было...— напомнила она.

— Мало ли, что там было,— сказал Заяц.— Что было, то сплыло.

— Кто старое помянет, тому глаз вон! — поддержал Шляпа.

(Алиса сидела тише воды, ниже травы, хотя, говоря по совести, она могла бы Шляпе кое о чём напомнить!)

— Так вот,— наконец возобновила свой рассказ Соня,— они таскали мармелад оттуда...

— Откуда взялся мармелад?..— начала было Алиса, забыв о своём торжественном обещании, и тут же осеклась.

Но Соня, казалось, ничего не заметила.

— Это был мармеладный колодец...— объяснила она.

— Мне нужна чистая чашка,— прервал её Шляпа.— Давайте подвинемся!

Он тут же пересел на соседний стул, Соня села на его место, Заяц — на место Сони, а Алиса — без особой охоты — пересела на стул Зайца. От всех этих перемещений выиграл только Шляпа, а Алиса, наоборот, сильно прогадала, так как Заяц только что опрокинул молочник.

— Я не понимаю,— очень робко, боясь опять рассердить Соню, начала Алиса,— как же они таскали оттуда мармелад?

— Из обыкновенного колодца таскают воду,— сказал Шляпа,— а из мармеладного колодца всякий может, я надеюсь, таскать мармелад. Ты что, совсем дурочка?

— Я говорю, как они могли таскать мармелад *оттуда?* Ведь они там *жили*,— сказала Алиса, решив оставить без ответа последние слова Шляпы.

— Не только жили! — сказала Соня.— Они *жили-были!*

И этот ответ настолько ошеломил бедную Алису, что она позволила Соне некоторое время продолжать рассказ без вынужденных остановок. Это было весьма кстати, так как рассказчица отчаянно зевала и усиленно тёрла глаза.

— Так вот,— продолжала Соня,— этот самый мармелад они ели или пили — делали что хотели...

Тут Алиса не выдержала.

— Как же это они пили мармелад?! — закричала она.— Этого не может быть!

— А кто сказал, что они его пили? — спросила Соня.

— Как — кто? Вы сами сказали.

— Я сказала — они его ели! — ответила Соня.— Ели и *лепили!* Лепили из него всё, что хотели,— всё, что начинается на букву М,— продолжала она, позёвывая: её сильно клонило ко сну.

— Почему на букву М? — только и могла спросить Алиса.

— А почему нет? — сказал Заяц.

Алиса прикусила язычок. «Хотя да, мармелад ведь тоже на М»,— мелькнуло у неё в голове.

Соня к этому времени успела закрыть глаза и основательно задремать, но Шляпа снова ущипнул её, и она с лёгким писком пробудилась и продолжала рассказ:

— На букву М: мышеловки, и морковки, и мартышек, и мальчишек, и мораль, и даже мурашки... Ты видела мурашки, хотя бы на картинках?

— Кажется, да,— начала Алиса неуверенно,— хотя не знаю...

— А не знаешь, так помалкивай,— перебил её Шляпа.

Алиса вытерпела за этот день немало грубостей, но это было уже слишком!

Возмущённая до предела, она, не говоря ни слова, встала и гордо удалилась.

На хозяев её уход не произвёл, увы, особого впечатления. Соня немедленно заснула, а остальные двое, по всей видимости, вообще ничего

не заметили, хотя Алиса несколько раз оборачивалась, втайне надеясь, что они одумаются и будут упрашивать её вернуться. Но, обернувшись напоследок, она увидела только, что они пытаются запихнуть Соню в чайник.

— Ни за что на свете сюда больше не вернусь! — повторяла Алиса, пробираясь между деревьями.— Ни за какие коврижки! Никогда с такими дураками чаю не пила!

И тут-то она заметила, что в одном дереве есть дверь и эта дверь открывается прямо в дерево.

«Как интересно! — подумала Алиса.— А если войти — наверно, будет ещё интересней. Пожалуй, войду!»

Она смело вошла — и тут же оказалась в знакомом подземелье, как раз возле стеклянного столика.

— Ну, теперь-то я знаю, что делать! — сказала Алиса, поскорее взяла золотой ключик и отперла дверцу в сад.

Потом она достала ТОТ кусочек гриба (у неё сохранились остатки в кармашке) и жевала его, пока не стала как раз такого роста, что свободно могла войти в заветную дверь.

Потом она прошла по тесному, как крысиный лаз, коридорчику, а потом... потом она, наконец, оказалась в чудесном саду, среди ярких, весёлых цветов и прохладных фонтанов.

Глава восьмая,
в которой играют в крокет у Королевы

У самого входа в сад рос высокий цветущий розовый куст. Розы на нём были белые, но возле куста суетились трое садовников и деловито красили их красной краской. Алиса не поверила своим глазам и решила подойти поближе, надеясь понять, что же там такое творится на самом деле.

— Эй, ты, Шестёрка, осторожнее! Ты меня опять всего краской обляпал! — услышала она ещё издалека.

— А что я сделаю,— мрачно отвечал Шестёрка,— меня вон Семёрка под руку толкает!

Семёрка покосился на него и сказал:

— Молодец ты у нас! Правильно делаешь! Всегда вали с больной головы на здоровую!

— Насчёт головы ты бы лучше помалкивал,— сказал Шестёрка.— Я сам слыхал, Королева вчера говорила — по твоей голове давно топор плачет!

— А за что? — спросил первый садовник, тот, который начал разговор.

— Тебе-то, Двойка, какое дело? — сказал Семёрка.— Тебя уж это никак не касается?

— Нет, это всех касается,— сказал Шестёрка.— Зачем правду скрывать? Не ты, что ли, принёс на господскую кухню хрен заместо редьки?

Семёрка бросил свою кисть на землю и только было начал:

— Ну, знаешь, слыхал я напраслину, но такой...— как вдруг его взгляд упал на Алису, которая стояла рядом и внимательно слушала.

Он тут же замолчал, остальные тоже оглянулись на неё, и вся троица низко поклонилась.

— Скажите, пожалуйста,— несмело начала Алиса,— а почему вы красите эти розы?

Шестёрка с Семёркой переглянулись и, как по команде, поглядели на Двойку.

— Тут, барышня, такая история вышла,— понизив голос, начал Двойка.— Велено нам было посадить розы, полагаются тут у нас красные, а мы, значит, маху дали — белые выросли. Понятное дело, если про то её величество проведают — пропали, значит, наши головушки. Вот мы, это, и стараемся, значит, грех прикрыть, пока она не пришла, а то...

В это время Шестёрка, то и дело тревожно озиравшийся, закричал:

— Королева! Королева!

И все трое пали ниц, то есть повалились на землю лицом вниз.

Послышался мерный топот большой процессии, и Алиса тоже оглянулась — ей, конечно, ужасно захотелось поглядеть на Королеву.

Вскоре шествие показалось. Впереди по двое маршировали десять солдат с пиками; все они были очень похожи на садовников — такие же плоские и прямоугольные, руки и ноги у них росли по углам. За ними, тоже парами, шли придворные в пышных одеяниях; среди них было, видно, немало Тузов, были и Шуты с бубенчиками, но все выступали прямо-таки козырем; за ними вприпрыжку бежали резвясь (но тоже попарно) малютки Принцы и Принцессы в костюмах, расшитых золотом; далее парами следовали гости —

всё больше Короли и Дамы разных мастей. Алиса узнала среди гостей Белого Кролика, хотя его было трудно узнать: он улыбался всем и каждому, суетился и что-то без умолку тараторил; Алису он не заметил. Далее шёл Червонный Валет — он нёс на алой бархатной подушке королевскую корону,— и, наконец, замыкали это грандиозное шествие ЧЕРВОННЫЙ КОРОЛЬ и ЧЕРВОННАЯ ДАМА, то есть КОРОЛЕВА.

У Алисы возникли некоторые сомнения: не нужно ли и ей, по примеру садовников, пасть ниц, но что-то никаких таких правил поведения во время шествий вспомнить она не могла.

«Да и вообще-то,— подумала она,— кому тогда будут нужны шествия, если все кругом будут лежать лицом вниз и ничего не увидят?»

И она решила просто постоять на месте.

Когда процессия поравнялась с ней, все вдруг остановились и с любопытством поглядели на Алису.

— Кто такая? — сердито спросила Королева у Червонного Валета.

Валет вместо ответа поклонился и улыбнулся.

— Болван! — бросила Королева, нетерпеливо тряхнув головой.— Твоё имя, девочка? — обратилась она к Алисе.

— Алиса, с позволения вашего величества! — весьма учтиво отвечала Алиса, а про себя сказала: «Подумаешь! Какая-то карточная королева! Нечего её бояться!»

— А это кто такие? — спросила Королева, подбородком указав на трёх садовников, которые всё так и валялись под кустом. Ведь, как вы помните,

они лежали лицевой стороной вниз, а рисунок рубашки был у них один и тот же — как и у всей колоды,— и, значит, Королева не могла сейчас их отличить ни от придворных Тузов, ни даже от своих собственных детей — Принцев и Принцесс.

— Откуда я знаю! — в тон Королеве ответила Алиса, в душе удивляясь собственной отваге.— Это не моё дело!

Королева побагровела от ярости; несколько секунд она, не в силах выговорить ни слова, только бросала на Алису испепеляющие взгляды, а потом завизжала во всё горло:

— Отрубить ей голову! Отрубить ей!..

— Глупости! — очень громко и решительно ответила Алиса, и Королева прикусила язычок.

Король робко взял её за руку и сказал:

— Одумайся, дорогая,— это ведь маленькая девочка!

Королева с раздражением отвернулась от него.

— Перевернуть их! — приказала она Валету.

Валет осторожно, носком ноги, перевернул лежавших.

— Встать! — пронзительным голосом приказала Королева.

Садовники немедленно вскочили и принялись кланяться Королю, Королеве, Принцам, Принцессам — вообще всем и каждому.

— Прекратить поклоны! — завизжала Королева.— У меня голова кружится!

Тут её взгляд упал на розовый куст.

— Отвечайте: что вы тут делали? — спросила она.

— С дозволения вашего величества,— начал Двойка, смиренно опустившись на колени,— мы, значит, старались...

— Ясно! — закричала Королева, которая в это время внимательно рассматривала розы.— Отрубить им головы!

И процессия двинулась дальше, за исключением трёх солдат, оставшихся, чтобы выполнить королевский приказ.

Злосчастные садовники кинулись, умоляя о спасении — к кому бы вы думали? — да, да, именно к Алисе!

— Никто вас не тронет! — сказала Алиса. Она легко подняла всех троих и посадила их в большую цветочную вазу, стоявшую поблизости.

Солдаты поискали, поискали обречённых и, никого не обнаружив, преспокойно вернулись на свои места в первых рядах процессии.

— Покончили с ними? — крикнула солдатам Королева.

— Так точно! И следа не осталось, ваше величество! — как один человек, гаркнули бравые солдаты.

— Молодцы! — крикнула Королева.— В крокет играть умеем?

Так как солдаты молчали и дружно уставились на Алису, вопрос её величества, видимо, относился к ней.

— Умеем! — откликнулась Алиса.

— Тогда пошли! — рявкнула Королева.

И Алиса тоже присоединилась к шествию и, шагая среди гостей, с большим интересом ожидала развития событий.

— Чудесный... чудесный денёк сегодня, не правда ли? — произнёс чей-то робкий голосок.

Алиса обернулась — рядом с ней трусил Белый Кролик, заискивающе заглядывая ей в лицо.

— Очень чудесный! — согласилась Алиса.— А где же Герцогиня?

— Тсс! Тсс! — зашикал на неё Кролик.

Он испуганно, тревожно оглянулся кругом, а потом, поднявшись на цыпочки, прошептал ей в самое ухо:

— Приговорена к смертной казни!

— Как так? — удивилась Алиса.

— Вы сказали «как жаль»? — испуганно переспросил Кролик.

— Да нет,— сказала Алиса,— особенно жалеть не о чем. Я хотела сказать — за что?

— Она дала Королеве по уху...— начал Кролик.

Алиса так и прыснула.

— Тише! — снова опасливо шикнул на неё Кролик.— Королева может услышать! Понимаете, она опоздала, а Королева сказала...

— По местам! — раздался громовой голос Королевы, и все начали как безумные носиться взад и вперёд, поминутно натыкаясь друг на друга и кувыркаясь.

Тем не менее не прошло и пяти минут, как все оказались на своих местах, и игра началась.

Если вам не приходилось играть в крокет, мне вас жаль. Это очень, очень весёлая летняя игра! Мне особенно нравится, что можно просто выиграть, а можно стать разбойником и сбивать чужие шары с позиций.

«Ну и ну,— подумала Алиса вскоре,— они как-то странно играют в крокет!»

Действительно, площадка была вся в буграх и рытвинах, кочках и ямках, вместо шаров были живые ежи, вместо молотков — живые фламинго, а солдаты, встав на четвереньки и изогнувшись дугой, выполняли обязанности крокетных ворот.

Алисе всего труднее давалось искусство управляться со своим фламинго; ей, правда, удалось довольно удобно взять птицу под мышку, так, чтобы длинные ноги не мешали, но едва она успевала аккуратно выпрямить фламинго шею и собиралась стукнуть его носом в шар (то бишь ёжика), как он обязательно оборачивался и заглядывал ей в глаза с таким забавным удивлением, что ей ничего не оставалось, как покатиться со смеху.

С большим трудом она умудрялась заставить фламинго снова опустить голову, но тут оказывалось, что ёжик уже развернулся и удрал; это было уж вот до чего обидно!

Мало того, обычно как раз там, куда она собиралась направить ежа, был на дороге бугор или ямка. И сверх всего этого солдаты, служившие воротами, то и дело поднимались и разгуливали по площадке, чтобы поразмяться.

Словом, можно согласиться с Алисой: играть в крокет здесь было трудновато!

Игроки били по шарам все сразу, никто не соблюдал очереди хода, зато все непрерывно скандалили и спорили, а то и прямо дрались из-за ежей; игра только началась, а Королева была уже в безумной ярости и вопила «отрубить ему

голову!» (или «отрубить ей голову!») ежеминутно, а то и чаще.

Алиса порядком струхнула; правда, пока что она ни разу не навлекла на себя гнева её величества, но была уверена, что взрыв не заставит себя долго ждать.

«А что же тогда со мной будет? — думала она.— Ведь это ужас как они тут любят рубить людям головы; прямо чудо, что кто-то ещё в живых остался!»

Она начала подумывать, как бы незаметно улизнуть подобру-поздорову. И, озираясь, она вдруг заметила в воздухе какое-то странное явление. Сначала Алиса никак не могла понять, что это такое, но, понаблюдав некоторое время, догадалась, что это — просто улыбка.

«Ура! — подумала она.— Это Чеширский Кот; теперь хоть будет с кем поговорить».

— Ну, как успехи? — спросил Чеширский Кот, как только рот его достаточно проявился, чтобы говорить.

Алиса обождала, пока появятся глаза, и тогда молча кивнула.

«Говорить с ним ещё рано,— думала она,— надо подождать ушей. Или хоть одного уха».

Не прошло и минуты, как голова появилась целиком; Алиса поставила своего фламинго на землю и, очень довольная, что наконец нашла слушателя, приступила к отчёту о ходе игры.

Кот, по-видимому, решил, что проявил себя достаточно, и на этом остановился; остальные его части так и не появились.

— По-моему, они вообще неправильно играют,— начала Алиса жалобным тоном,— и они все так жутко ссорятся, что сам себя не слышишь, и они, наверное, никаких правил не знают, а если и знают, то не выполняют! И вы себе не представляете, как ужасно неудобно играть, когда все они живые! Например, я должна была пройти эти ворота, а они уже вон где — видите! — на том конце площадки! А вот сейчас я могла крокировать королевиного ёжика, а он взял да и убежал от моего ежа...

— Как тебе нравится Королева? — понизив голос, спросил Кот.

— Никак не нравится! — сказала Алиса.— Она так ужасно...— Тут она заметила, что Королева стоит за её спиной и внимательно прислушивается, и продолжала так: — ...Сильно играет, что прямо хоть сразу сдавайся!

Королева милостиво улыбнулась и прошла мимо.

— С кем ты говоришь, девочка? — спросил Король.

Он незаметно подошёл к Алисе и разглядывал Кота с большим интересом.

— Это мой друг, Чеширский Кот,— сказала Алиса,— разрешите вас познакомить.

— У него нерасполагающая внешность,— сказал Король.— Впрочем, он может поцеловать мне руку, если хочет.

— Спасибо, обойдусь,— сказал Чеширский Кот.

— Не говори дерзостей,— сказал Король.— И не смотри на меня так! — закричал он и спрятался за спину Алисы.

— Твоё имя, девочка? — обратилась она к Алисе.

— Алиса, с позволения вашего величества! — отвечала Алиса, а про себя сказала: «Подумаешь! Какая-то карточная королева! Нечего её бояться!»

«Ну и ну,— подумала Алиса,— они как-то странно играют в крокет!»

Действительно, вместо шаров были живые ежи, вместо молотков — живые фламинго.

— А кошкам разрешается смотреть на королей,— сказала Алиса.— Я читала об этом в одной книжке, только не помню в какой.

«И кошка может посмотреть на короля» — это просто английская поговорка. Почему Алиса говорит, что читала об этом в одной книжке, я никак не могу понять. Про эту кошку и про то, как она смотрела на короля, правда, написано в книге про Мэри Поппинс, но Алиса уж никак не могла её читать!

— Всё равно этого надо убрать! — сказал Король с глубоким убеждением и закричал проходившей неподалёку Королеве: — Дорогая, я просил бы, чтобы ты приказала убрать этого Кота.

Королева знала только один способ разрешения всех проблем, больших и малых.

— Отрубить ему голову! — крикнула она, даже не обернувшись.

— Я лично сбегаю за Палачом! — немедленно откликнулся Король и помчался со всех ног.

Алиса всё-таки решила вернуться и посмотреть, как идёт игра. До неё ещё издали донёсся голос, вернее, вопль разъярённой Королевы. Королева приказывала казнить трёх играющих сразу за то, что они пропустили свой ход, и Алисе это крайне не понравилось, потому что игра так запуталась, что сама Алиса давно не имела никакого понятия о том, когда её ход. Она поскорее отправилась на поиски своего ёжика и разыскала его, как раз когда он вступил в сражение с каким-то другим ежом.

Алиса обрадовалась: перед ней была блестящая возможность крокировать хоть одного ежа! Увы, оказалось, что её фламинго, как назло, улетучился. Алиса с трудом нашла его в другом конце сада, где он неуклюже пытался взлететь на дерево. Когда же она в конце концов изловила его и притащила на место, сражение уже окончилось, и оба его участника скрылись...

— Ну ладно, не беда,— утешила себя Алиса,— всё равно и ворота все поразбежались!

Она устроила фламинго у себя под мышкой поудобнее, чтобы он опять не удрал, и отправилась продолжать беседу со своим приятелем — Котом.

К её удивлению, там собралась целая толпа народу. Между Палачом, Королём и Королевой шёл жаркий спор: все трое говорили одновременно и все трое очень громко; зато все остальные уныло молчали.

Едва показалась Алиса, как трое спорщиков бросились к ней и потребовали, чтобы она рассудила их спор. Они дружно принялись повторять ей свои доводы, но, так как они по-прежнему говорили все сразу, ей было нелегко понять, кто что утверждает.

Кажется, Палач утверждал, что нельзя отрубить голову, если не имеется тела, от которого её можно отрубить, что он никогда такими вещами не занимался и на старости лет заниматься не собирается!

Король утверждал, что лишь бы была голова, а отрубить её можно, и нечего болтать чепуху!

А Королева утверждала, что, если всё не будет исполнено сию секунду и даже значительно раньше, она велит отрубить головы всем без исключения.

(Именно это последнее заявление и привело всех присутствующих в такое похоронное настроение.)

— Ведь он герцогинин,— сказала Алиса,— вы бы лучше спросили у неё!

Это было всё, что она смогла придумать.

— Она в тюрьме,— сказала Королева Палачу.— Доставить её сюда!

И Палач полетел стрелой.

Но в ту же минуту голова Кота начала бледнеть и таять, а к тому времени, как Палач возвратился с Герцогиней, исчезла совсем.

Король и Палач как угорелые кинулись искать Кота, а все остальные возобновили игру.

Глава девятая,
в которой рассказана история Деликатеса

— Ах ты моя душечка-дорогушечка, ты себе не представляешь, как я рада снова тебя видеть! — сказала Герцогиня с чувством. Она нежно взяла Алису под руку, отвела её в сторонку, и они пошли дальше вместе.

Алиса была тоже очень рада — рада видеть Герцогиню в таком милом настроении; она подумала, что, наверное, это от перца в кухне та была такая злющая.

«Когда я стану герцогиней,— сказала она себе (правда, без особой уверенности),— у меня на кухне вообще не будет перца! Зачем он нужен? Суп и так можно есть! Ой, вообще, наверно, это от перца люди делаются вспыльчивые,— продолжала она, очень довольная, что сама обнаружила вроде как новый закон природы,— а от уксуса делаются кислые... а от хрена — сердитые... а от... а от... а вот от конфет-то дети становятся ну прямо прелесть! Потому их все так и любят! Вот хорошо бы все это узнали, тогда бы не ворчали на них из-за них, а, наоборот, сами...»

Хотя Алиса не говорит, кого все так любят — детей или конфеты, но мне кажется, что она-то всё-таки больше любит конфеты. «Ворчать на них из-за них» — не очень удачное выражение, но зато чувствуется, что Алиса очень увлеклась любимым предметом!

К этому времени она совершенно позабыла про Герцогиню и даже слегка вздрогнула, услыхав её голос над самым ухом:

— Ты о чём-то задумалась, дорогая, и позабыла, что нужно поддерживать беседу. А какая отсюда мораль, я сейчас не могу тебе сказать, но скоро вспомню.

— А может быть, никакая,— отважилась сказать Алиса.

— Что ты, что ты, деточка,— сказала Герцогиня,— во всём есть мораль, только надо уметь её найти!

И с этими словами она прижалась к Алисе ещё теснее.

Это Алисе не особенно понравилось — во-первых, потому, что Герцогиня была уж *чересчур* некрасивая, а во-вторых, она была как раз такого роста, что подбородок её пришёлся Алисе на плечо, а подбородочек у Герцогини был нестерпимо острый.

Но Алиса не хотела быть грубой и потому смолчала.

— Игра как будто повеселей пошла,— немного погодя заметила она просто так, чтобы немного поддержать разговор.

— Верно, моя душечка! — сказала Герцогиня.— А отсюда мораль: «И вот на чём вертится свет!»

— Недавно кто-то говорил,— шепнула Алиса,— свет вертится оттого, что некоторые люди не суют нос в чужие дела.

Герцогиня услышала, но нисколько не смутилась.

— Ах, душечка,— сказала она,— это одно и то же.— И она добавила, поглубже вонзив свой подбородочек в Алисино плечо: — Отсюда мораль: «Не смеши языком, смеши делом!»

Герцогиня немного ошиблась: по-настоящему эта пословица звучит так: «Не спеши языком, спеши делом!» Автор тоже немного ошибся — с его стороны неосторожно помещать тут такие пословицы!

«Почему это некоторые так любят всюду искать мораль?» — подумала Алиса.

— А я знаю, о чём ты, душечка, задумалась! — сказала Герцогиня.— Ты задумалась о том, а почему я тебя не обнимаю? Угадала? Но дело в том, что мне внушает сомнение характер твоего фламинго. Или рискнуть, как ты думаешь?

— Он ведь может ущипнуть! — предостерегающе сказала Алиса, совершенно незаинтересованная в том, чтобы Герцогиня так рисковала.

— Совершенно верно! — сказала Герцогиня.— Фламинго щиплются не хуже горчицы. Отсюда мораль: «Видно птицу по полёту»... Ну, и так далее.

— А горчица-то не птица! — сказала Алиса.

— Ты права, как всегда! — сказала Герцогиня.— И как ты, душечка, во всём так хорошо разбираешься!

— Горчица — это, кажется, минерал,— продолжала размышлять вслух Алиса.

— Вот именно, минерал! — подхватила Герцогиня. Она, по-видимому, готова была согласиться со всем, что бы Алиса ни сказала.— Тут неподалёку что-то минировали горчичными минами, совсем на днях. А отсюда мораль: «Чему быть, того не миновать!»

— Ой, вспомнила! — закричала Алиса (последние слова Герцогини её *миновали).*— Это фрукт! Она по виду не похожа, но она — фрукт!

— И ещё какой фрукт! — радостно согласилась Герцогиня.— А отсюда мораль: «Будь таким, каким хочешь казаться», или, если хочешь, ещё проще: «Ни в коем случае не представляй себе, что ты можешь быть или представляться другим иным, чем, как тебе представляется, ты являешься или можешь

являться по их представлению, дабы в ином случае не стать или не представиться другим таким, каким ты ни в коем случае не желал бы ни являться, ни представляться».

— Наверно, я бы лучше поняла,— сказала Алиса чрезвычайно учтиво,— если бы это было написано на бумажке, а так я как-то не уследила за вами.

— Это ещё пустяки по сравнению с тем, что я могу сказануть, если захочу! — сказала Герцогиня, явно очень довольная собой.

— Спасибо, не надо, не надо,— сказала Алиса,— не беспокойтесь, пожалуйста!

— Какое тут беспокойство, душечка! — сказала Герцогиня.— Я только рада, что могу сделать тебе маленький подарок,— всё, что я могу сказать!

«Хорошенький подарочек, большое спасибо! — подумала Алиса.— Хорошо, что на рожденье таких не приносят!»

Но вслух она этого, естественно, не произнесла.

— Мы опять задумались? — сладким голоском спросила Герцогиня, ещё глубже вонзив свой подбородочек в плечо Алисы.

— Разве мне запрещено думать? — ответила Алиса, пожалуй, резковато. Правда, её терпение было уже на исходе.

— Нет, душечка,— сказала Герцогиня,— и поросяткам не запрещено летать, а мор...

Тут, к большому удивлению Алисы, голос Герцогини замер — замер посредине её любимого слова, и рука, вцепившаяся в руку Алисы, задрожала.

Прямо перед ними, скрестив руки на груди, стояла Червонная Королева, хмурая и зловещая, как грозовая туча.

— П-прекрасный денёк, ваше величество,— начала было Герцогиня еле слышным голосом.

— По доброте своей всемилостивейше предупреждаю,— крикнула Королева, топнув ногой,— или тебя, или твоей головы здесь не будет — и не сию минуту, а в сто раз быстрее! Выбирай!

Герцогиня выбрала — и исчезла, причём уложилась точно в срок.

— Вернёмся к игре! — сказала Королева Алисе.

Алиса была так напугана, что не произнесла ни слова и молча поплелась за Королевой на крокетную площадку.

Остальные игроки, воспользовавшись отсутствием её величества, расположились на отдых в тени, но едва она показалась, как они немедленно возобновили игру. Промедление было смерти подобно — Королева мимоходом заметила, что кто хоть чуточку опоздает, будет казнён без опоздания.

Игра пошла по-прежнему: Королева не переставала со всеми спорить, скандалить и кричать: «Отрубить (соответственно ему или ей) голову!»

Солдаты брали под стражу приговорённых; разумеется, для этого им приходилось покидать свои посты, и в результате не прошло и получаса, как ворот вообще не осталось, а все, кто пришёл повеселиться, были арестованы и ожидали казни.

Тут Королева наконец решила передохнуть (она порядком запыхалась) и сказала Алисе:

— Уже видела Рыбного Деликатеса?

— Нет,— ответила Алиса.— Даже не слышала про такого!

— Из него готовят рыбацкую уху и многое другое,— объяснила Королева.

— Очень интересно,— сказала Алиса.

— Тогда идём,— приказала Королева,— он сам всё расскажет.

Уходя, Алиса успела услышать, как Король тихонько сказал, обращаясь ко всему обществу сразу:

— Вы помилованы.

«Ну вот, это совсем другое дело!» — радостно подумала она. Все эти бесчисленные смертные приговоры сильно её огорчали.

Вскоре они с Королевой наткнулись на Грифона, крепко спавшего на самом солнцепёке.

— Вставай, ленивая тварь,— сказала Королева,— и отведи юную леди к Деликатесу! Пусть он ей расскажет свою историю. А мне надо вернуться и присмотреть за домашними делами. Я там распорядилась кое-кого казнить.

Она ушла, и Алиса осталась наедине с Грифоном.

Хотя наружность чудища не слишком пришлась Алисе по душе, она подумала, что его общество ничуть не опаснее, чем общество кровожадной Королевы. И она решила подождать.

Грифон приподнялся, сел и протёр глаза; он долго смотрел вслед Королеве, а когда она окончательно скрылась из виду, фыркнул.

— Комедия! — сказал он то ли про себя, то ли обращаясь к Алисе.

— Где комедия? — спросила Алиса.

— Да вон пошла! — сказал Грифон.— Всё ведь одна комедия! У нас тут никто никого не казнит, не волнуйся. Пошли!

«Только и слышишь: «Пошли! Пошли!» — думала Алиса, неохотно следуя за Грифоном.— Все кому не лень командуют! Прямо загоняли меня тут».

Они прошли совсем немного, и вот уже в отдалении показалась поникшая фигура Деликатеса. Он в грустном одиночестве сидел на обломке прибрежной скалы, и далеко разносились его душераздирающие стенания и вздохи.

Алисе стало его ужасно жалко.

— У него какое-то большое горе? — спросила она Грифона.— Кто его обидел?

Грифон отвечал ей почти теми же самыми словами, что и раньше:

— Какое там горе! Одна комедия! Никто его не обидит, не волнуйся! Пошли!

И они подошли к Деликатесу, который только посмотрел на них большими, полными слёз глазами, но ничего не сказал.

— Слушай, старик,— сказал Грифон,— тут вот молодая леди хочет узнать твою историю. До зарезу.

— Я всё поведаю не тая,— сказал Деликатес протяжно и уныло.— Садитесь оба, и молчите оба, пока я не окончу свой рассказ.

Гости сели, и несколько минут никто не произносил ни слова.

«Не понимаю, как он может когда-нибудь окончить, раз он и не собирается начинать»,— успела подумать Алиса, но продолжала терпеливо ждать.

— Был некогда я рыбой,— сказал наконец Деликатес с глубоким вздохом,— настоящей...

За сим последовало долгое-долгое молчание — его нарушали лишь редкие восклицания Грифона (приблизительно: «Гжхкррх!»), а также беспрерывные вздохи и стоны Деликатеса.

Алиса уже не раз хотела встать и сказать: «Большое спасибо за ваш интересный рассказ», но она всё-таки немножко надеялась, что продолжение следует, и крепилась: сидела смирно и молчала.

— Когда мы были маленькими,— заговорил Деликатес менее патетическим тоном (хотя время от времени возвращался к прежним стенаниям),— мы ходили в школу в море. Учителем был сущий Змей Морской. В душе — Удав! Между собой его мы называли Питоном.

— А почему же вы его так называли, раз он был Удав, а не Питон? — заинтересовалась Алиса.

— Он был Питон! Ведь мы — его питонцы! — с негодованием ответил Деликатес.— Боюсь, дитя, ты умственно отстала!

— Стыдно, лапочка, не понимать таких простых вещей! — подлил масла в огонь Грифон, и оба чудища молча уставились на бедную Алису, которой хотелось только одного: поскорее ещё раз провалиться сквозь землю.

Между прочим, питон и удав — это одно и то же. Алиса это знать не обязана, а вам — не мешает. Слово «питонцы», по-моему, эти чудища выдумали сами, так что нечего было им так уж стыдить Алису!

Наконец Грифон сказал Деликатесу:

— Ну ладно, старик, давай! Поехали! Нельзя же весь день толочь воду в ступе.

И Деликатес продолжал:

— Да, посещали мы морскую школу... хоть, кажется, ты этому не веришь...

— Я не говорила «не верю»! — перебила Алиса.

— А вот и сказала! — сказал Деликатес.

— Помолчала бы лучше, барышня,— добавил Грифон, прежде чем Алиса успела сказать, что нехорошо придираться к словам.

— Уж у нас школа была — первый сорт! — продолжал Деликатес.— Ты, может, и этому не поверишь, но даю честное слово: у нас занятия были каждый день!

— Я, если хотите знать, тоже ходила в школу каждый день,— сказала Алиса.— Что тут особенного? Нечего так уж хвалиться!

Деликатес встревожился.

— Каждый день? — повторил он в раздумье.— Да-а, интересно, на каком же уровне твоя школа?

— Простите, я не понимаю,— сказала Алиса,— что значит — на каком уровне?

— На каком уровне она стоит! — пояснил Деликатес.— Ну от поверхности моря, поняла?

— Там моря нет,— сообщила Алиса.— Она стоит в городе. Но я думаю, всё-таки выше моря, конечно, над водой!

— Выше? *Над* водой? — переспросил Деликатес.— Ты серьёзно?

Алиса молча кивнула.

— Ну, тогда это не серьёзно! — с облегчением сказал Деликатес.— Какое же тогда может быть

сравнение с *нашей* школой? Это... это верхоглядство, а не образование, вот что это такое.

Грифон фыркнул.

— Да уж, воображаю, какие вы там получаете поверхностные знания! — сказал он.— У нас мальков — и тех учат гораздо глубже! А уж кто хочет по-настоящему углубиться в науку, тот должен добраться до самого дна! Вот это и называется Законченное Низшее Образование! Но конечно,— покачал он головой,— это не каждому дано!..

— Мне вот так и не удалось по-настоящему углупиться! Не хватило меня на это,— сказал Деликатес со вздохом.— Так я и остался при высшем образовании...

— А что же вы учили? — спросила Алиса.

Деликатес неожиданно оживился.

— Кучу всяких наук! — начал он.— Ну, первым делом, конечно, учились Чихать и Пихать. Потом арифметика, вся насквозь: Почитание, Уважение, Давление и Искажение.

— Почитание — понимаю, Уважение — понимаю, Давление — понимаю, а вот Искажение? Что это такое? — сказала Алиса.

Грифон с деланным удивлением всплеснул лапами.

— Не знаешь Искажения? И чему вас там только учат! — ужаснулся он.— Ну, хоть такое простое слово «реставрировать» слыхала?

— Ну как же,— не слишком уверенно начала Алиса.— Это... это... по-моему, это — делать, как было раньше.

— Вот именно! А уж если ты после этого не понимаешь, что такое Искажение,— значит, ты девица-тупица! — победоносно объявил Грифон, после чего Алисе совершенно расхотелось задавать вопросы на эту тему.

Она вновь переключилась на Деликатеса.

— А какие у вас ещё были предметы? — спросила она.

— Ну, конечно, Истерия,— отвечал Деликатес, загибая лучи на своих плавниках.— Истерия, древняя и новейшая, с Биографией. Потом... раз в неделю приходила старая Мурена. Считалось, что она нас учит Рисковать Угрем и прочей муре — ну, там, Лживопись, Натюр-Морды, Верчение Тушею...

— Как-как? — спросила Алиса.

— Ну, я лично не могу тебе показать как,— сказал Деликатес,— старею, суставы не гнутся. А Грифон этого не проходил, кажется.

— Времени не хватило,— сказал Грифон.— Я увлекался Литературой, изучал классиков. Помнишь нашего словесника? Порядочный был Жук, ничего не скажешь!

— Ну как же! Я его не слушал, и то он мне все уши прожужжал! — со вздохом сказал Деликатес.— Древний Грим, Древняя Грация, эта — Или Ада, Или Рая, или как её там звали... Смех — и Греческий язык, Нимфология и так далее... Всё — от Арфы до Онеги!

— Да, было время, было время! — в свою очередь, вздыхая, подтвердил Грифон, и оба чудища умолкли и закрыли лапами лица.

Судя по названиям всех этих наук, не только Грифону, но и Деликатесу всё-таки удалось довольно основательно углупиться. Наверно, поэтому они и закрыли лица лапами: им стало стыдно.

— А сколько у вас в день было уроков? — спросила Алиса: ей хотелось поскорее отвлечь собеседников от печальных мыслей.

— Как обычно: в первый день десять уроков,— сказал Деликатес,— на следующий — девять, потом восемь и так далее.

— Какое смешное расписание! — воскликнула Алиса, быть может, не без зависти.

— А с нашими учителями иначе не получалось,— сказал Грифон.— Текучий состав: каждый день кто-нибудь пропадал. Поэтому их и называют пропадаватели, кстати.

Алиса слушала его краем уха: её весьма заинтересовала сама мысль о том, чтобы каждый день заниматься на час меньше.

— Так, выходит, на одиннадцатый день у вас уже были каникулы? — спросила она, закончив подсчёты.

— Само собой! — ответил Деликатес.

— А как же потом? — с ещё большим интересом спросила Алиса.

— Вот что: хватит уже про науки! — решительно прервал Грифон.— Ты расскажи ей, старик, как мы в наше время веселились.

Глава десятая,
в которой танцуют Раковую Кадриль

Деликатес глубоко вздохнул и смахнул плавником слезу. Обернувшись к Алисе, он попытался заговорить, но голос его прервался: беднягу душили рыдания, и душили они его добрых минуты две.

— Похоже, что ему кость не в то горло попала,— деловито предположил Грифон и принялся трясти своего друга и похлопывать его по спине.

Наконец Деликатес кое-как справился с собой и, хотя слёзы по-прежнему струились по его щекам, заговорил:

— Быть может, вы никогда не живали подолгу на морской глубине...

— Не жила,— вставила Алиса.

— ...и, быть может, вы никогда не встречались с Морскими Раками — например, с Омарами...

Алиса было начала:

— Я один раз попробо...— но тут же осеклась и поправилась: — Нет, никогда!

— ...так что вы и представить себе не можете всю прелесть Раковой Кадрили.

— Даже не слыхала! — сказала Алиса.— А что же это за танец?

— Слушай меня! — сказал Грифон.— Сначала вы выстраиваетесь в линию на пляже, у самого прибоя...

— Да что ты говоришь, любезный друг! — перебил Деликатес.— В две линии! — всхлипнул он.— Ведь там черепахи, лососи, тюлени и мало ли

— С кем ты говоришь, девочка? — спросил Король.
— Это мой друг, Чеширский Кот,— сказала Алиса,— разрешите вас познакомить.

— Слушай, Деликатес,— сказал Грифон,— тут вот молодая леди хочет узнать твою историю.

— Садитесь оба, и молчите оба, пока я не окончу свой рассказ,— сказал Деликатес протяжно и уныло.

кто ещё! Потом, предварительно расчистив в море приличную площадку от медуз...

— Это обычно отнимает порядочно времени,— вставил Грифон.

— ...делаете два шага вперёд — авансе! — продолжал Деликатес.

— За кавалеров у всех Морские Раки, чаще всего Омары! — крикнул Грифон.

— Это само собой понятно! — перехватил Деликатес.— Под руку с Омаром два шага вперёд — поворот к визави.

«Авансе» — это значит «вперёд»; «визави» — это та пара в танце, которая напротив вас. Не знаю, зачем Деликатес употребляет иностранные слова. Правда, это танцевальные термины. И вообще оба они — и Грифон и Деликатес — ведут себя неприлично. Разве можно так перебивать друг друга?

— Смена кава... Омаров — и два шага назад в прежнюю позицию! — не уступал Грифон.

— Ну, а затем,— опять начал Деликатес,— вы бросаете...

— ...Омара! — завопил Грифон, изо всех сил подпрыгнув.

— ...в море! Главное, как можно дальше! — пискнул Деликатес.

— Сами кидаетесь за ним вплавь! — крикнул Грифон.

— Делаете в воде сальто-мортале! — ещё громче крикнул Деликатес и сам прошёлся колесом.

— Опять меняетесь партнё... Омарами! — во всю мочь завопил Грифон.

— Возвращаетесь на берег, и на этом первая фигура кончается,— неожиданно упавшим голосом закончил Деликатес.

И оба чудака, которые только что прыгали и вопили как безумные, уселись и затихли, печально глядя на Алису.

— Наверно, это очень хорошенький танец,— нерешительно сказала Алиса.

— Тебе хочется самой на него посмотреть, да? — с надеждой в голосе спросил Деликатес.

— Конечно,— вежливо сказала Алиса,— очень хочется.

— Ну что, любезный друг, покажем ей первую фигуру? — сказал Деликатес Грифону.— Обойдёмся и без Омаров, правда? Только вот кто подпоёт?

— Пой уж ты,— сказал Грифон.— Я слов не помню.

И два старых друга с важным и торжественным видом пустились в пляс вокруг Алисы, поминутно наступая ей на ноги и размахивая передними конечностями в такт мелодии, которую медленно и грустно пел Рыбный Деликатес:

Барабанит в дверь Сардинка:
— Эй, Улита, выходи!
Мы с тобой и так отстали —
Даже Раки впереди!
Долго ждать тебя не буду —
Слышишь, мой Конёк заржал?
Он мне хвост ещё отдавит —
Так спешит на бал!
Ты-то что же? Ты же тоже

Побежишь на бал!
Ты же тоже, ты же тоже
Побежишь на бал!

Ты представь себе, Улитка,
Как шумит-звенит прибой,
Как тебя Морские Раки
Увлекают за собой! —
Но Улитка отвечала:
— Слишком уж далёкий путь!
Нет, спасибо! Я не выйду!
Я уж как-нибудь!
Вот уж нет уж! Вот уж нет уж!
Я уж как-нибудь!

— Что значит «слишком далеко»,
О чём тут рассуждать?
Где далеко от Лондона —
Париж рукой подать!
Уплыл от этих берегов —
Глядишь, к другим попал!
Словом, хватит ныть, Улитка,
И пошли на бал!
Ты же тоже, ты же тоже
Побежишь на бал!
Ты же тоже, ты же тоже
Побежишь на бал!

Конёк — это, конечно, морской конёк, очень забавная и милая рыбка. Умеют ли морские коньки ржать — это науке ещё неизвестно. Скорее всего, умеют.

— Спасибо, очень приятно было посмотреть на ваш интересный танец,— сказала Алиса (по правде говоря, ей всего приятнее было то, что танец наконец кончился).— А как мне понравилась эта забавная песенка про сардинок!

— Да, кстати о сардинках,— сказал Деликатес,— они... ты их видала, конечно?

— Да, на таре...— начала было Алиса, запнулась и поправилась: — В банке!

— В банке? Странно,— удивился Деликатес,— в моё время у них, помнится, не водилось лишних денег! Хотя всё может быть, много воды утекло... Но если ты их, как говоришь, часто видела, то ты, конечно, знаешь, как они выглядят?

Деликатес опять всё путает! При чём тут деньги, если сардинки в банке,— Алиса совершенно правильно рассказывает!

— Ну да,— Алиса теперь взвешивала каждое своё слово,— они все в масле... И все почему-то безголовые.

— Боюсь, дитя, насчёт масла ты что-то путаешь,— сказал Деликатес.— Сардинки народ чистоплотный, потом море, сама понимаешь, какое уж тут масло... Но вот что они безголовые — это факт, а причина в том...— И тут Деликатес неожиданно зевнул и закрыл глаза.— Расскажи ей, любезный друг, про причину и тому подобное,— сказал он Грифону.

— Причина в том,— сказал Грифон,— что они уж больно любят танцевать с Морскими Раками.

Ну, Раки и увлекают их в море. Ну, они и увлекаются. Ну, раз увлекаются, значит, теряют голову. Ну, а потом не могут её найти! Вот тебе и всё.

— Спасибо,— сказала Алиса,— мне было очень интересно. Я никогда не слыхала так много про сардинок.

— Если тебя так интересуют сардинки, я могу ещё много о них порассказать,— сказал Грифон.— Ты, например, знаешь, почему они называются «сардинки»?

— Никогда об этом не задумывалась,— сказала Алиса.— А почему?

— Очень музыкальны, вот почему,— сказал Грифон весьма серьёзно.

Алиса ничего не понимала.

— Музыкальны? — повторила она в изумлении.

— Ну да! — сказал Грифон.— Тебе когда-нибудь приходилось играть на скрипке в комнате, где люди спят?

— Никогда! — уверенно сказала Алиса.— Меня учат играть только на пианино, к счас... к сожалению,— добавила она.

— И всё-таки запомни, чтобы не дать маху: в таких случаях играют всегда под сардинку.

— А не под сурдинку? — спросила Алиса.— Кажется, я слышала такое слово.

— Не знаю, что ты там слышала, но у нас играют под сардинку! — внушительно произнёс Грифон.— А ты знаешь, чем скрипачи натирают смычки?

— Кани... телью, кажется,— сказала Алиса без особой уверенности.

Ну, тут уж путает сама Алиса — смычки натирают канифолью, а не канителью, за это я ручаюсь!

— Может быть, у вас и так... а у нас безо всякой канители смычки мажут просто мёдом,— заявил Грифон.— Поэтому скрипки и поют так сладко!

— Откуда же вы в море берёте мёд? — удивилась Алиса.

— А на что у нас, по-твоему, медузы? — с раздражением сказал Грифон.— Странные вопросы ты задаёшь! Действительно, любой малёк больше тебя знает!

— Нет, вот если бы я была сардинкой,— сказала Алиса, решив вернуться к прежней, менее рискованной теме,— я бы ни за что не позволила Морскому Коньку наступать мне на хвост. Я бы его прогнала — и всё!

— Да что ты говоришь, девочка,— неожиданно вмешался Деликатес.— Ни одна рыба добровольно не расстанется с Коньком!

— Почему это? — очень удивлённо спросила Алиса.

— Потому! — сказал Деликатес.— Потому что никто не может обойтись без своего любимого конька!

— Правда? — по-прежнему не понимала Алиса.

— Конечно! Ведь без него будет очень скучно жить на свете! — сказал Деликатес.— У тебя есть свой конёк?

— Нет, но у меня есть кошка,— сказала Алиса.— Её зовут...

— Прекрасно! — обрадовался Грифон.— Давно пора тебе рассказать нам о себе и о своих приключениях! А то мы тебе, можно сказать, выложили всю подноготную, а ты от нас всё скрываешь!

— Я с удовольствием расскажу вам о себе,— начала Алиса робко,— но только про то, что было сегодня. А про то, что было раньше, и рассказывать не стоит — я тогда была ещё не такая!

— Что ты хочешь этим сказать? Объясни!.. — потребовал Деликатес.

— Нет, нет, не надо! — прервал его Грифон испуганно.— Давай сначала приключения! А то объяснениям конца не будет, я уж это знаю, учёный, слава богу!

И вот Алиса принялась рассказывать обо всём, что с ней приключилось с тех пор, как она впервые увидела Белого Кролика.

Сначала она чуточку робела — уж очень близко к ней подсели оба чудища и уж очень широко они разинули глаза, а главное, рты, но постепенно она увлеклась своим рассказом и совершенно перестала бояться.

Слушали они её, надо отдать им справедливость, затаив дыхание, и только когда она добралась до того места, где читала Синему Червяку «Вечер был, сверкали звёзды» и перепутала все стихи, Деликатес шумно вздохнул и сказал:

— Да, это очень странно!

— Очень близко к дальше ехать некуда! — сказал и Грифон.

— Все стихи шиворот-навыворот! — задумчиво произнёс Деликатес.— Любопытно было бы послушать ещё что-нибудь в этом роде. Вели ей прочесть, любезный друг! — обратился он к Грифону, словно был уверен, что тот имеет полное право приказывать Алисе.

— Вот что: встань и продекламируй: «Завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят!» — распорядился Грифон.

«Ой, они меня прямо затыркали! — подумала Алиса.— Каждый распоряжается, каждый вызывает отвечать уроки! Хуже, чем в школе! Честное слово!»

Тем не менее она послушно встала и начала читать.

Вот только в голове у неё всё ещё звучала Раковая Кадриль, и потому образовалась такая каша из Раков, Улиток и прочего, что бедняжка сама плохо понимала, что говорит, и стихи получились опять ни на что не похожие:

— «Завтра, завтра, не сегодня!» —
Говорил Варёный Рак.—
Что бы там ни говорили,
Поступайте только так!
Утверждаю это смело:
Если хочешь долго жить,
Должен ты любое дело
Первым делом отложить!

Черепах (да и Улиток)
Я прошу иметь в виду —
Тот из нас, кто слишком прыток,

Первым попадёт в беду!
Где дурак устроит гонку,
Там разумный наш собрат
Или отойдёт в сторонку,
Или пятится назад!

Вот и я — засуетился
И попал в рыбачью сеть...
Суетился, кипятился —
И приходится краснеть,
Потому что в этой спешке
Я сварился кое-как...
Поделом терплю насмешки! —
Говорил Варёный Рак.

«Завтра, завтра, не сегодня!» —
Хорошо сказал поэт!
Лишь бы вы не забывали
Этот правильный совет!
Может, спорить кто посмеет?
Только где уж вам, мальки!
Кто из вас, как я, сумеет
Носом вывернуть носки?!

— Да-а, это совсем не похоже на то, что я учил, когда я был дитятею! — сказал Грифон.

— Я лично вообще впервые слышу подобную чушь,— сказал Деликатес.— Тут у меня нет никаких сомнений!

Алиса молчала; она села, закрыла лицо руками и в отчаянии думала: неужели никогда не вернётся нормальная жизнь?..

— Весьма желательно, чтобы она нам всё это объяснила и растолковала! — сказал Рыбный Деликатес.

— Да что ты, что ты! Она не сумеет! — опять всполошился Грифон.— Пусть лучше ещё что-нибудь прочитает!

— Нет, любезный друг, пусть объяснит хотя бы про нос и про носки! — не уступал Деликатес.— Откуда у Рака взялся нос? И тем более носки! И как в таких условиях он может носом вывернуть носки?

— Да это не те носки,— беспомощно пролепетала Алиса. Объяснить было ей довольно трудно, потому что она сама абсолютно ничего не понимала.— Это, наверно, как, когда танцуют, выворачивают носки по первой позиции!

Бедняжка была в полной растерянности.

Грифон, видимо, сжалился над ней.

— Ладно, возьмём что-нибудь попроще,— великодушно предложил он.— Ну хоть про Козлика сможешь прочесть?

Алиса хотя и не сомневалась, что опять ничего хорошего не выйдет, не посмела отказаться и дрожащим голосом начала:

Математик и Козлик
Делили пирог.
Козлик скромно сказал:
— Раздели его вдоль!
— Тривиально! — сказал Математик.—
Позволь,
Я уж лучше

Его разделю поперёк! —
Первым он ухватил
Первый кус пирога.
Но не плачьте,
Был тут же наказан порок:
«Пи» досталось ему
(А какой в этом прок?!),
А Козлёнку...
Козлёнку достались
Рога!

— Слушай, дитя, какой смысл произносить всю эту чепуху,— проворчал Рыбный Деликатес,— если ты даже ничего не можешь толком объяснить? Это что-то неслыханное!

— Да, тяжёлый случай,— поддержал друга Грифон.— Лучше прекратим!

И Алиса, надо сказать, очень обрадовалась.

— Не пройти ли нам вторую фигуру Раковой Кадрили? — предложил Грифон.— Или ты, может быть, предпочитаешь, чтобы Деликатес спел тебе ещё песенку?

— Да, песенку, конечно, песенку! Дяденька Деликатес, будьте так добры! — закричала Алиса с таким энтузиазмом, что Грифон даже немного обиделся.

— Гм! Ну что ж, как угодно,— проворчал он.— О вкусах не спорят! Спой ей «РЫБАЦКУЮ УХУ», старик!

Рыбный Деликатес испустил тяжёлый вздох и голосом, прерывающимся от рыданий, запел:

Чудо-Уха! Что сравнится с ней!
Что ароматней, вкусней, сытней?
Люди простят вам любые грехи
Ради тарелки рыбацкой ухи —
Деликатесной ухи!

Ах-Ох-Ух-и-и-и!
Ах-Ох-Ухи!
Деликате-е-сной,
Дивной рыбацкой
Ах-Ох-Ух-и-и-и!
Ах-Ох-Ухи!

Мясо и дичь — всё чепуха!
Радует душу только Уха!
Кто не отдаст всё на свете за две
Ложки ухи, тот, конечно, не ел
Дивной рыбацкой ухи!

Ах-Ох-Ух-и-и-и!
Ах-Ох-Ухи!
Деликате-е-сной,
Дивной рыбацкой
Ах-Ох-Ух-и-и-и!
Ах-Ох-Ухи!

— Припев два раза! — крикнул Грифон, и Деликатес начал было повторять припев, как вдруг издали донёсся крик:

— Суд идёт!

— Бежим! — завопил Грифон и, схватив Алису за руку, помчался со всех ног, не дожидаясь окончания песни.

— Какой суд? — спросила Алиса, задыхаясь от бега.

Но Грифон только повторил: «Бежим!» — и помчался ещё быстрей, и лишь лёгкий морской ветерок приносил к ним замиравшие в отдалении душераздирающие слова:

Ах! Ох! Ух! И! И! И!
Ах! Ох! Ухи!

Глава одиннадцатая,
в которой выясняется, кто стащил пирожки

Когда Алиса с Грифоном прибежали, Король и Королева уже сидели на троне, а кругом собралась огромная толпа: пичужки, зверюшки всех видов и пород, не говоря уже о картах всех мастей. Перед судейским троном стоял в цепях под охраной двух солдат — один справа, другой слева — Червонный Валет.

По правую руку от Короля находился Белый Кролик, с трубой в одной лапке и пергаментным свитком в другой.

А в самом центре судебного зала стоял стол, а на нём красовалось большое блюдо с пирожками, и вид у них был такой аппетитный, что у Алисы прямо слюнки потекли. «Хорошо бы, суд уже кончился и позвали к столу!» — подумала она.

Но так как, судя по всему, до этого было ещё очень далеко, она, чтобы скоротать время, стала

рассматривать всё окружающее. Хотя Алиса раньше никогда не бывала в суде, она читала про суд в книжках, и ей было очень приятно отметить, что она знает, как тут всё — или почти всё — называется.

«Вот это судья,— сказала она про себя.— Кто в большом парике, тот и судья».

Между прочим, в Англии судьи до сих пор носят парики, хотя лягушки, караси и лакеи уже давно их не носят (а может быть, и никогда не носили). Спросите, зачем носят? По-моему, для важности.

Судьёй, кстати, был сам Король, и так как на парик ему пришлось надеть корону, он очень стеснялся — такой наряд был ему явно не к лицу.

«А вот эти двенадцать тварюшек (она не могла найти другого слова — ведь там были и птички и зверьки) — это, наверное, пристяжные... нет, присяжные!»

Алиса не без гордости раза два-три повторила это слово. «Вряд ли много найдётся девочек в моём возрасте, а то и старше,— подумала она,— которые слыхали такое слово и знают, что оно значит».

Если вы не будете путать присяжных (заседателей) и пристяжных (лошадей), у вас будет не меньше оснований гордиться собой, чем у Алисы. Даже больше: ведь сейчас гораздо реже, чем сто лет назад, встречаются и те и другие.

Пожалуй, она была права, хотя слово «заседатели» было бы ничуть не хуже.

Присяжные сидели на большой скамье, стоявшей на возвышении («Это скамья присяжных»,— подумала Алиса). У всех у них были грифельные доски, и все они что-то деловито записывали.

— Что это они? — шепнула Алиса Грифону.— Записывать-то нечего, суд ещё не начался!

— Они записывают свои имена,— тоже шёпотом ответил Грифон,— боятся забыть, как их зовут, пока процесс кончится.

— Вот дураки-то! — начала было Алиса громко выражать своё возмущение, но тут же осеклась — Белый Кролик закричал:

— Соблюдать тишину в зале заседания!

А Король надел очки и обвёл зал настороженным взглядом, разыскивая нарушителя тишины.

Присяжные (Алиса прекрасно это видела) принялись записывать на своих досках: «Вот дураки-то»; она даже заметила, что один из них не знал, как пишется слово «дураки», и попросил соседа подсказать.

«Да уж они там понапишут,— подумала Алиса,— могу себе представить!»

На беду, у кого-то из присяжных грифель всё время отчаянно скрипел. Алиса, понятно, не могла этого вынести; она вскочила, незаметно подобралась к присяжному сзади и, улучив момент, выхватила у него грифель. Проделала она это так ловко и быстро, что бедняга присяжный (это был как раз Тритон Билль) даже не понял, что произошло. Он долго искал свой грифель, но так и не нашёл и в конце концов решил писать просто пальцем. Правда, пользы от этого было не особенно много, так как палец не оставлял на доске никаких следов.

— Глашатай! Огласи обвинительное заключение! — произнёс Король.

Белый Кролик выступил вперёд, трижды протрубил в свою трубу, развернул пергаментный свиток и торжественно начал читать:

Эне, бене, рес —
Квинтер, финтер, жес!
Эне, беке, раба —
Квинтер, финтер, жаба!
Все пришли к Червонной Даме
Выпить чаю с пирожками.
Пирожков у Дамы нет:
Пирожки стащил Валет!

— Удаляйтесь на совещание! — приказал Король присяжным.

— Что вы, рано, рано! — поспешно вмешался Кролик.— У нас ещё целая куча работы!

— Ну что ж, куча так куча,— уныло сказал Король.— Вызвать первого свидетеля!

Белый Кролик вновь трижды протрубил в трубу и провозгласил:

— Вызывается первый свидетель!

Первый свидетель оказался Шляпой. Он явился с чашкой чаю в одной руке и бутербродом в другой.

— Прошу прощения, ваше величество, что я всё это прихватил с собой,— сказал он,— но, когда за мной пришли, я ещё не кончил пить чай-с.

— Надо бы кончить! — сказал Король.— Ты когда начал?

— Глашатай! Огласи обвинительное заключение! — произнёс Король.

Белый Кролик выступил вперёд, трижды протрубил в свою трубу и торжественно начал читать...

— Да кто вас боится! — сказала Алиса.— Вы просто несчастные карты — и всё!

И при этих словах вся колода карт взвилась в воздух и полетела ей в лицо...

Шляпа оглянулся на Очумелого Зайца (тот, под руку с Соней, тоже притащился за ним в суд).

— Кажется, четырнадцатого марта-с. Вроде так-с,— сказал он.

— Пятнадцатого,— сказал Заяц.

— Шешнадцатого,— сказала Соня.

— Запишите это,— повелел Король присяжным, и они старательно записали все три даты на своих досках, потом сложили все числа, а сумму разделили между собой.

Тут Король спохватился.

— Снимите свою шляпу,— приказал он Шляпе.

— Она не моя-с! — ответил Шляпа.

— Краденая! — закричал Король, повернувшись к присяжным, которые немедленно принялись записывать и это.

— Я их ношу на продажу-с,— объяснил Шляпа.— А сам я их не ношу-с! Я шляпный мастер!

Тут Королева надела очки и пристально посмотрела на Шляпу, который под её взглядом побледнел и стал корчиться, как жук на булавке.

— Свидетель, давайте показания,— сказал Король,— и не волнуйтесь, не то я велю казнить вас на месте.

Но, кажется, слова Короля не очень помогли бедному Шляпе справиться с волнением: он продолжал переминаться с ноги на ногу, опасливо поглядывая на Королеву, и с перепугу откусил даже порядочный кусок чашки вместо бутерброда.

Как раз в эту минуту Алиса почувствовала, что с ней происходит что-то странное. Сперва она никак не могла понять, в чём дело, но в конце концов

догадалась: она опять начала расти! Она было хотела встать и уйти из зала, но потом передумала и решила остаться, пока сможет тут помещаться.

— Перестань меня давить! — сказала ей Соня (они сидели рядом).— Мне уже дышать нечем.

— Не могу перестать! — виновато сказала Алиса.— Я расту!

— Не имеешь права тут расти! — сказала Соня.

— Что за глупости! — сказала Алиса уже не так виновато.— Ты ведь тоже растёшь!

— Мало ли что! Я расту как все, прилично,— сказала Соня.— А ты безобразничаешь!

Она встала с очень обиженным видом и ушла в самый дальний конец зала.

Королева всё это время не сводила сурового взгляда со Шляпы, и как раз когда Соня пересаживалась, она сказала кому-то из судейских чинов:

— Принесите-ка мне программу последнего концерта!

При этих словах злосчастный Шляпа так затрясся, что ботинки сами собой слетели у него с ног.

— Свидетель, давайте показания! — повторил Король гневно.— Иначе я велю вас казнить, можете не волноваться!

— Я человек маленький, ваше величество,— начал Шляпа. Голос его дрожал и прерывался.— И не успел я сесть попить чайку, а масло — оно кусается, да и хлеб тоже, опять же крокодильчики, качая...

— Что качая? — с изумлением спросил Король.

— Начинается с чая,— сказал Шляпа.— Опять же...

— «Качая» кончается на «чая», а не начинается! — возмутился Король.— Вы меня за дурака принимаете? Продолжайте!

— Я человек маленький,— продолжал Шляпа,— и потом всё стало качаться, а Очумелый Заяц и говорит-с...

— Не было этого! — немедленно перебил Заяц.

— Было-с,— сказал Шляпа.

— Отказываюсь! — сказал Заяц.

— Он отказывается от своих слов,— сказал Король.— Оставь его в покое и иди дальше.

— Ну, во всяком случае, Соня и говорит-с...— Тут Шляпа тревожно оглянулся на Соню: не будет ли она отказываться от своих слов, но Соня ни от чего не отказывалась — она спала как убитая.

— Дальше? Дальше,— продолжал Шляпа,— намазал я себе бутерброд-с...

— А что же Соня сказала? — спросил кто-то из присяжных.

— Того не упомню-с! — сказал Шляпа.

— Обязаны упоминать,— заметил Король,— иначе будете казнены!

Бедняга свидетель выронил чашку, бутерброд и сам упал — упал на колени.

— Я человек маленький, ваше величество-с,— опять начал он.

— Сам вижу, что не великий... не великий мастер говорить! — сказал Король.

Тут какая-то Морская Свинка зааплодировала и была немедленно выдворена судейскими чинами.

(Так как не все знают это слово, я вам расскажу, что оно значит. У них был большой брезентовый

мешок. Они сунули туда Свинку вниз головой, на верёвке опустили мешок за окно, немного подёргали верёвку, и Морская Свинка весело выскочила во двор.)

«Очень хорошо, что я увидела, как это делается,— подумала Алиса,— а то в газетах часто пишут: «выдворили из пределов», а я до сих пор не понимала, что это значит!»

— Свидетель,— строго сказал Король,— если вы на этом закончили показания, можете сесть!

— Спасибо, мы постоим,— сказал Шляпа.— За что же это меня сажать? Я не виноват-с.

— Не хотите сидеть, можете прилечь! — сказал Король.

Тут вторая Морская Свинка зааплодировала и тоже была выдворена. «Ура, больше ни одной не осталось! Без Морских Свинок дело пойдёт веселей!» — подумала Алиса.

— Я бы лучше пошёл попил чайку-с,— сказал Шляпа, с опаской глядя на Королеву, всё ещё читавшую программу концерта.

— Можете идти! — сказал Король, и Шляпа кинулся прочь со всех ног, забыв даже надеть свои ботинки.

— А попутно отрубить ему голову! — распорядилась Королева, но Шляпы уже и след простыл, так что выполнить её приказание было затруднительно.

— Вызвать следующего свидетеля! — сказал Король.

Следующий свидетель оказался свидетельницей — это была Повариха Герцогини. Она не выпускала из рук огромной перечницы, и об её

приближении Алиса догадалась задолго до того, как Повариха вошла в зал,— так дружно принялись чихать все, кто сидел у входа.

— Давайте показания,— сказал Король.

— Не-а! — сказала Повариха.

Король растерянно поглядел на Белого Кролика, и тот, понизив голос, сказал:

— Надо подвергнуть её допросу с пристрастием, ваше величество.

— Ну что ж, надо так надо,— сказал Король без особого энтузиазма. Он скрестил руки на груди, так страшно нахмурился, что глаза его превратились в чёрточки, и сказал СТРАШНЫМ ЗАГРОБНЫМ ГОЛОСОМ: — Из чего делают пирожки?

— Всё больше из перца,— сказала Повариха.

— Из мар-ме-ла-да,— произнёс чей-то сонный голос.

— На цепь эту Соню! Придушить эту Соню! Отрубить Соне голову! Выдворить Соню! Ущипнуть её! Оторвать ей хвост! — заверещала Королева.

Несколько минут в судебном зале царила ужасная суматоха — все пытались поймать и выдворить Соню. А когда кутерьма кончилась, Повариха уже исчезла.

— И слава богу,— сказал Король, вздохнув с большим облегчением. Он вполголоса добавил, обернувшись к Королеве: — Я тебя очень прошу, дорогая, следующего свидетеля допрашивай с пристрастием ты! У меня вся кожа на лице заболела!

Алиса с любопытством следила, как Белый Кролик копается в своих бумажках,— ей было очень интересно, кого же ещё могут вызвать свидетелем. «Пока что у них никаких улик нет»,— думала она.

Представьте же себе, как она удивилась, когда Белый Кролик во весь свой пискливый голосишко возгласил:

— Алиса!

Глава двенадцатая,
в которой Алиса свидетельствует

— Я-а! — крикнула Алиса и вскочила с места. Второпях она совершенно забыла, как сильно за последнее время выросла, и, вскакивая, зацепила краем юбки скамью присяжных. Скамейка опрокинулась, и все присяжные полетели вверх тормашками на головы публики. Они беспомощно бились на полу, и Алиса вдруг живо вспомнила, как бились на полу золотые рыбки из аквариума, который она нечаянно опрокинула несколько дней назад.

— Ох, простите, пожалуйста! — с искренним огорчением крикнула она, поспешно усаживая присяжных на места. Алиса безумно торопилась, так как случай с золотыми рыбками не шёл у неё из головы и ей почему-то казалось, что если присяжных не посадить на место как можно скорее, то они тоже могут погибнуть.

— Судоговорение не может продолжаться,— сказал Король строго,— пока все присяжные не будут,

как подобает, водворены на место. ВСЕ! — повторил он, сурово глядя на Алису.

Алиса оглянулась на скамью присяжных и обнаружила, что впопыхах она так и сунула Тритона Билля на скамью вверх тормашками, и бедняга, не в силах перевернуться, только меланхолически помахивал хвостиком. Она поскорее схватила его и посадила как следует, хотя и подумала про себя:

«Какое это имеет значение? По-моему, что так, что так — пользы тут от него столько же!»

И действительно, когда все присяжные пришли в себя и, получив обратно свои письменные принадлежности, принялись деловито писать отчёт о недавнем происшествии, бедняга Билль продолжал сидеть без движения, разинув рот и глядя в потолок.

— Что вам известно, свидетельница, по данному делу? — обратился Король к Алисе.

— Ничего,— сказала Алиса.

— И ничего больше? — спросил Король.

— И больше ничего,— ответила Алиса.

— Это чрезвычайно важно! — сказал Король, глядя на присяжных.

Они было уже принялись записывать эти слова на своих досках, но тут вмешался Белый Кролик.

— Ваше величество желали, несомненно, сказать НЕважно,— произнёс он весьма почтительно, хотя грозно нахмурился и сделал Королю страшную гримасу.

— Да, да, я хотел сказать НЕважно,— торопливо поправился Король.— НЕважно. Важно, неважно, важно, неважно...— забормотал он вполголоса, словно проверяя, какое слово лучше звучит.

В результате одни присяжные записали «Важно», другие — «Неважно». Алиса прекрасно это видела. «А в общем, тут всё неважно!» — подумала она.

В эту минуту Король, который что-то поспешно писал в своей памятной книге, крикнул:

— Тишина! «Закон номер Сорок Два! — громко прочёл он.— Всем лицам ростом больше версты надлежит покинуть зал суда».

И все присутствующие уставились на Алису.

— Я меньше версты! — сказала Алиса.

— Нет, больше! — сказал Король.

— Не меньше двух вёрст! — вставила Королева.

— Всё равно не уйду! — сказала Алиса.— И вообще это не настоящий закон! Вы его сейчас выдумали!

— Это самый старый закон в книге! — сказал Король.

— Тогда он должен быть Номер Первый! — сказала Алиса.

Король побледнел и торопливо захлопнул книгу.

— Удаляйтесь на совещание! — еле-еле смог он выговорить, с испугом глядя на присяжных.

— Ваше величество! — крикнул Белый Кролик, поспешно вскочив с места.— Обнаружены новые доказательства! Только что найдена вот эта бумага.

— И что в ней есть? — спросила Королева.

— Я её ещё не разворачивал,— сказал Белый Кролик,— но есть... есть предположение, что это письмо от обвиняемого к... к... к кому-то!

— Раз письмо — значит, к кому-то,— сказал Король,— писать никому пока не в обычае!

— А кому оно адресовано? — заинтересовался кто-то из присяжных.

— Никому,— сказал Кролик.— Я хочу сказать, снаружи ничего не написано,— торопливо поправился он, развернул бумажку и добавил: — Ну конечно! Это даже и не письмо — это просто стишки!

— А почерк подсудимого? — спросил другой присяжный.

— В том-то и дело, что нет,— сказал Белый Кролик,— и это особенно подозрительно!

Присяжные растерянно захлопали глазами.

— Выходит, он подделал чей-то почерк? — сказал Король.

Присяжные успокоились и просветлели.

— Ваше величество! — неожиданно заговорил Валет.— Я этого не писал, и никто не докажет, что я это писал: там нет никакой подписи.

— Тем хуже для вас, если подписи нет,— сказал Король.— Не будь у вас на уме злодейства, вы бы подписались, как честный человек!

И тут все захлопали, и не зря: действительно это были первые умные слова, какие Король произнёс за весь день.

— Итак, вина его доказана,— начала Королева,— и пора уже отру...

— Ничего тут не доказано! — перебила Алиса.— Да вы что? Вы даже не знаете, про что эти стишки!

— Огласи их,— сказал Король.

Белый Кролик напялил на нос очки.

— С чего начинать, ваше величество? — спросил он.

— Начни с начала,— торжественно произнёс Король,— и продолжай, пока не дойдёшь до конца. Тогда остановись!

В судебном зале воцарилась мёртвая тишина, и Белый Кролик прочитал вслух следующие строки:

Ни он, ни я, ни мы, ни вы
Не ведали беды,
Но он поверил ей, увы,
Что я боюсь воды!

Меня пытались не мытьём,
Так катаньем донять.
Они — вдвоём, а мы — втроём,
А дважды два — не пять!

Он ей — ты мне. Мы вам — вы нам!
Она ему — оно!
Хотя они — он знает сам! —
Вернулись к ней давно!

«Ты измываться им не дашь!» —
Он сам так утверждал!
И что ж? Она же входит в раж,
Подняв такой скандал!

И лучшие умы страны
Гадают до сих пор:
Они ли, мы ли, вы ль должны
Смыть кровью свой позор!

Во имя нашей чистоты
Пускай не знает свет:
НА САМОМ ДЕЛЕ ВЫ — МЫ — ТЫ —
ОНИ С НЕЙ
Или нет?

— Это самое важное доказательство вины подсудимого,— сказал Король, удовлетворённо потирая руки.— Оно перевешивает все остальные улики, так что пусть присяжные удалят...

— Да это же просто чепуха! — крикнула Алиса (она к этому времени настолько выросла, что не побоялась перебить самого Короля).— Я отдам напёрсток тому, кто объяснит, про что тут говорится! Тут нет ни на вот столечко смысла!

Присяжные в полном составе записали на своих досках: «Тут нет ни на вот столечко смысла», но никто из них не рискнул попробовать объяснить стихи.

— Ну что ж, если тут нет смысла,— сказал Король,— тогда у нас гора с плеч: нам незачем пытаться его найти! Сэкономим кучу работы! И всё же,— продолжал он, расправив бумажку у себя на коленях и мельком взглянув на неё,— мне кажется... мне кажется, что я усматриваю тут некий смысл, что ни говорите... «Поверил ей, увы, что я боюсь воды!» — прочитал он и обернулся к Червонному Валету.— Обвиняемый, вы боитесь воды?

Валет печально кивнул.

— Разве по мне не видно? — сказал он.

(И действительно, это было сразу видно — ведь он был из тонкого картона, как и все карты.)

— Тэк-с, отлично,— сказал Король. Он продолжал бормотать вполголоса строки стихотворения: — Мммм... «Пусть лучшие умы страны...» — это, конечно, присяжные. Мммм... «Она ему — оно...» — ну, это, несомненно, о Королеве... Мммм... «Меня пытались не мытьем, так катаньем донять» —

это ясно без слов... Мммм... «Он ей — ты мне. Мы вам — вы нам!» Тут нет никаких сомнений — вот что случилось с пирожками!

— А дальше, дальше,— закричала Алиса,— там же сказано: «Они вернулись к ней давно!»

— А как же, вот они! — ликуя, крикнул Король, царственным жестом указав на блюдо с пирожками.— Это поистине ОЧЕВИДНО! Мммм... Дальше: «И что ж? Она же входит в раж...» Вот это странно! Ты разве когда-нибудь входила в раж, душечка? — обратился он к Королеве.

— Никогда! — бешено крикнула Королева и запустила чернильницей в скамью присяжных.

Чернильница угодила в Билля-Тритона, и несчастный маленький Билль (он давно оставил свои бесплодные попытки писать пальцем на грифельной доске) тут снова судорожно принялся писать, макая палец в чернила, которые потекли по его лицу.

— Ты могла бы сказать ещё лучше — НИ РАЖУ! — с улыбкой произнёс Король и самодовольно оглядел публику.

Ответом была гробовая тишина.

— Это каламбур! — крикнул Король сердито.— Остроумная шутка!

Тут все захохотали.

— Удаляйтесь на совещание! — сказал Король, вероятно, в двадцатый раз за день.

— Нечего там! — сказала Королева.— Сперва приговор, посовещаются потом!

— Как не стыдно! — во весь голос заявила Алиса.— Стыдно даже болтать такие глупости!

— Молчать! — крикнула Королева, багровея от ярости.

— Как же! — сказала Алиса.

— Отрубить ей голову! — завопила Королева во всю глотку.

Никто не пошевелился.

— Да кто вас боится! — сказала Алиса (она уже достигла своего настоящего роста).— Вы просто несчастные карты — и всё!

И при этих словах вся колода карт взвилась в воздух и полетела ей в лицо; Алиса вскрикнула — полуиспуганно, полусердито,— стала от них отбиваться... и вдруг оказалось, что она лежит на берегу, положив голову сестре на колени, а та осторожно смахивает с её личика сухие листья, слетевшие с соседнего дерева.

— Просыпайся, дорогая,— сказала сестра.— Что-то ты очень разоспалась!

— Ой, а какой я забавный сон видела! — сказала Алиса.

И она принялась рассказывать сестре всё, что сумела запомнить, про свои странные приключения, то есть всё то, что вы только что прочитали. А когда она кончила, сестра поцеловала её и сказала:

— Сон был и правда очень занятный, а сейчас беги пить чай, а то опоздаешь.

Алиса послушно вскочила и побежала домой, но и по дороге она всё думала, какой же это был чудесный сон — сон, который, наверно, никогда не забудешь...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава никакая,
из которой тем не менее
можно кое-что узнать 1

Глава первая,
в которой Алиса
чуть не провалилась сквозь Землю 10

Глава вторая,
в которой Алиса купается в слезах 20

Глава третья,
в которой происходит Кросс по Инстанциям
и история с хвостиком 30

Глава четвёртая,
в которой Тритон Билль вылетает в трубу 40

Глава пятая,
в которой Червяк даёт полезные советы 52

Глава шестая,
в которой встречаются поросёнок и перец 62

Глава седьмая,
в которой пьют чай как ненормальные 75

Глава восьмая,
в которой играют в крокет у Королевы 88

Глава девятая,
в которой рассказана история Деликатеса 99

Глава десятая,
в которой танцуют Раковую Кадриль 112

Глава одиннадцатая,
в которой выясняется, кто стащил пирожки 125

Глава двенадцатая,
в которой Алиса свидетельствует 134

Серия «Школьная библиотека»

Льюис Кэрролл

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС

Книжное литературно-художественное издание
для детей среднего школьного возраста

Пересказ с английского
Заходера Бориса Владимировича

Художник

Пушкарёв Борис Семёнович

Главный редактор А. Алир
Технический редактор М.В.Юдаева
Компьютерная вёрстка Д.А.Володин
Компьютерная графика А.В.Сенюшов
Корректор С.П.Мосейчук
Ответственный за выпуск А.С.Рожков

Подписано в печать 17.11.2015.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 9.
Гарнитура «Ньютон».
Тираж 20 000 экз. Заказ № 1919

ООО «Самовар-книги»
125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.
Информация о книгах на сайте www.knigi.ru
Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»
(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru
Интернет-магазин: www.books-land.ru
Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа».
170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.
Тел.: +7(4822) 44-85-98. Факс: +7(4822) 44-61-51.

Артикул К-ШБ-01
ISBN 978-5-9781-0972-6

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Борис Пушко

SCAN IT!

1070791644
в приложении OZON.ru

9 785978 109726